ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Цена 30 коп.

Литературная газета

Воскресенье, 10 октября 1937 г.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР.

№ 55 (691)

Роль писателя в избирательной кампании

Все шире и шире развертывается в стране работа по подготовке к выборам в Верховный Совет СССР. Миллионы людей вовлечены в эту гигантскую по своему размаху и политическому значению работу, являющуюся прологом к избирательной кампании.

Такие слова, как «Сталинская Конституция», «Избирательный закон», «избирательный округ», «избирательный участок», «избирательная комиссия», прочно вошли в быт и стали популярными в народе. Везде: на заводе и фабрике, в колхозе и совхозе, в учреждении и вузе, в красноармейской казарме и жакте, — везде и всюду можно услышать эти слова. Их повторяют в кружках, где большевистские пропагандисты и агитаторы помогают избирателям тщательно изучить Сталинскую Конституцию и Избирательный закон.

С каждым днем наша родина приближается к тому моменту, когда десятки миллионов граждан Советского Союза будут выбирать верховный орган власти на основе самой демократической в мире Сталинской Конституции. Именно к этому важнейшему политическому событию готовится страна, готовятся все наши партийные и общественные организации, готовится советский народ. И в этой подготовке должны занять свое место советские писатели, писательские организации. Союз советских писателей — большая общественно-культурная сила нашей страны. В рядах Союза около 3 тысяч писателей. Это — гигантская армия, значение которой при хорошо поставленной работе трудно переоценить.

Писатель владеет замечательным оружием — художественным словом. Это оружие должно быть поставлено на службу народу, на службу большевистской агитации. Во время избирательной кампании советский писатель не имеет права молчать. Он должен действовать и будет действовать своим оружием как боец, как активный участник социалистического строительства, патриот своей родины, верный слуга своего народа, своей партии Ленина—Сталина.

В дни избирательной кампании надо еще острее отточить наше боевое оружие и помочь большевистской партии, советской власти, народу метко и без промаха разить врагов социализма. Церковники, остатки меньшевиков, эсеров и других враждебных партий, троцкистско-бухаринские агенты фашизма, буржуазные националисты и прочая сволочь, продавшаяся фашизму, предающая свою родину, свой народ, будут пытаться помешать успеху избирательной кампании. Партия большевиков, товарищ Сталин вооружили советский народ большевистской бдительностью, учат его умению разоблачать врагов. Художественные произведения — очерки, рассказы, стихи и т. д. — должны помочь советскому избирателю в борьбе против врагов народа, в их разоблачении.

Многие советские писатели по заданию Союза выехали на места для того, чтобы ознакомиться, как там идет подготовка к выборам. Это мероприятие нельзя не приветствовать. Товарищи, выехавшие на места, изучают жизнь, острым писательским глазом подмечают и заносят в свою записную книжку новые явления, вскрывают недостатки. Эти поездки безусловно принесут писателям огромную пользу, обогатят их жизненный опыт, помогут лучше разбираться в происходящих событиях, создать произведения, нужные и полезные народу.

Первые шаги по созданию произведений, посвященных выборной кампании, кое-где уже сделаны. Горьковские писатели работают и скоро сдадут в печать свои первые произведения на эту тему. В Ленинграде, по предложению В. Саянова, опубликованному в «Литературной газете», намечается издание коллективного сборника поэтов. Ленинградские драматурги готовят одноактные пьесы, посвященные Сталинской Конституции и Избирательному закону. Возможности для творческой работы писателей, поэтов, драматургов, всех мастеров художественного слова буквально неизмеримы. Наша страна, советский избиратель любят и уважают своего писателя, и они ждут его произведений, отражающих эпоху великой Сталинской Конституции, самой демократической конституции в мире.

Роль и значение печатного слова во время избирательной кампании будут исключительно велики и ответственны. Газеты и журналы должны организовать свою работу так, чтобы враг не сумел протянуть свою грязную руку к страницам печатного органа. Нет сомнения в том, что враги попытаются использовать печать особенно там, где сидят растяпы и беспечные люди. Тов. С. Кирсанов в своих материалах о поездке в Одессу рассказывает об одном интересном факте. В редакцию районной газеты пришел бывший поп и принес свое стихотворение явно контрреволюционного, но умело завуалированного содержания. Это стихотворение вначале даже понравилось редактору. Но только позже работники редакции поняли, в чем суть и что имел в виду в своем стихотворении церковник, рассчитывавший, очевидно, на беспечность журналистов.

Советские писатели обязаны помочь нашим газетам (центральным, республиканским, областным, районным). Дать высококачественный художественный очерк, вскрывающий и показывающий действия классового врага, какой бы масти он ни был, — прямая задача советского писателя. Работники Общества воинствующих безбожников должны помочь писателям в их выступлениях на фронте художественной антирелигиозной литературы.

Сталинская Конституция и Избирательный закон четко и ясно установили, кто имеет право выставлять кандидатов. Приближается время, когда организации, получившие это право, будут выставлять своих кандидатов. Народ отдаст свои голоса только своим лучшим сынам, верным патриотам своей родины. «Избирательная борьба будет оживленной, она будет протекать вокруг множества острейших вопросов, главным образом вопросов практических, имеющих первостепенное значение для народа. Наша новая избирательная система подтянет все учреждения и организации, заставит их улучшить свою работу. Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти», — говорил товарищ Сталин в своей беседе с Рой Говардом. Показать эту оживленную борьбу, художественным словом агитировать за лучших кандидатов, — разве это не благодарная работа для инженеров человеческих душ? Главное — связь с народом, связь с массами — в этом могучая сила творчества советского писателя. Этому учат нас партия и товарищ Сталин.

Вчера состоялось общемосковское собрание писателей. Столичные писатели собрались, чтобы обсудить «Положение о выборах в Верховный Совет СССР» и наметить пути своего активного участия в избирательной кампании. Пока, как мы уже отмечали в «Литературной газете», писатели и писательские организации еще не могут сказать полным голосом, что они уже являются активными участниками этой большой политической работы. Общемосковское собрание должно явиться переломным моментом. Выступления писателей на этом собрании показали, что члены Союза советских писателей, как настоящие инженеры человеческих душ, отчетливо понимают стоящие перед ними задачи и представляют свою роль в избирательной кампании.

В своем приветствии вождю партии и народов СССР, гениальному творцу Конституции товарищу Сталину писатели Москвы пишут:

«Коммунистическая партия и лично Вы, дорогой товарищ Сталин, были, есть и будете вождем и учителем нашей социалистической литературы. Каждый из нас хочет жить, работать и побеждать на Ленинско-Сталинском пути.

Эти слова являются нашей творческой боевой клятвой в канун 20-летия Октября и нашей писательской программой.

Бойцы сталинской армии, мы берем Конституцию и Избирательный закон, как славные знамена большевистских побед, и зовем всех, работающих в области искусства и науки, стремительней и ярче развернуть свою творческую деятельность».

Это обязательство налагает на советских писателей исключительную ответственность. Оно должно быть претворено в живые, конкретные дела.

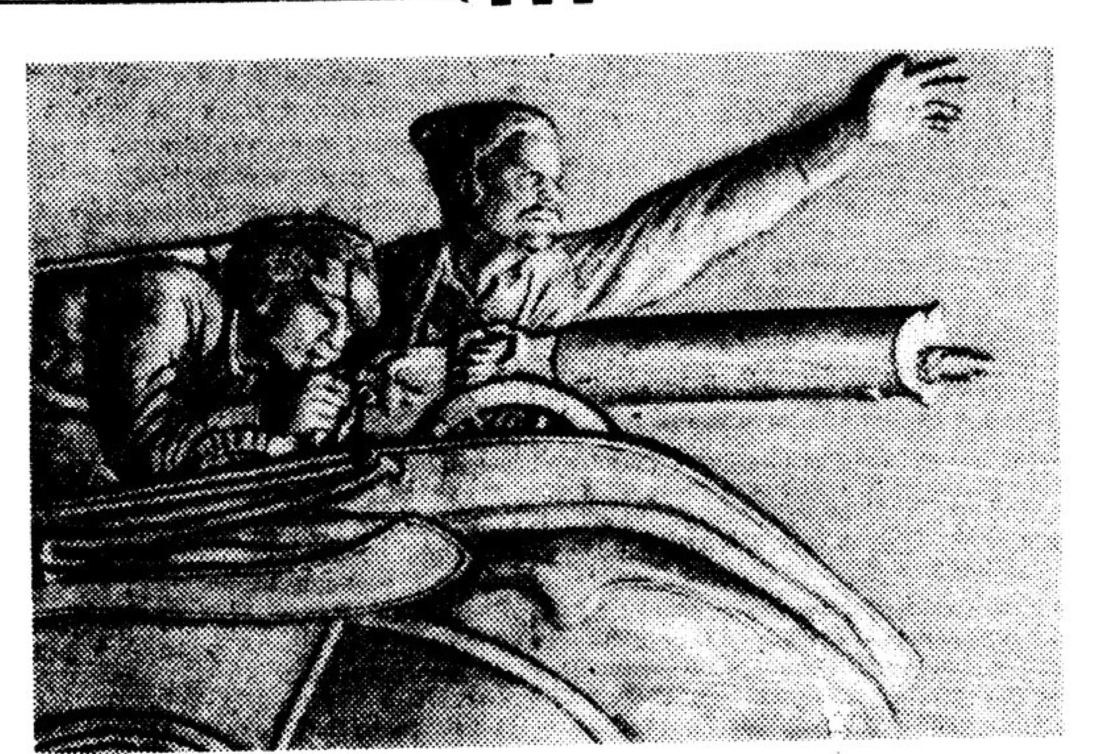
Реализацию этого обязательства надо начинать немедленно.

Союз советских писателей, его местные организации в дни подготовки к выборам держат перед страной серьезный политический экзамен. К этому экзамену они пойдут под боевыми лозунгами.

Каждый писатель —активный и энергичный участник избирательной кампании!

Каждый советский писатель — боевой помощник партии Ленина—Сталина в ее агитационной и пропагандистской работе!

И нет сомнения, что под руководством партии Ленина—Сталина и ее Сталинского ЦК писатели этот политический экзамен выдержат.

Монетный двор Наркомфина СССР в Ленинграде, отмечая годовщину смерти легендарного героя гражданской войны Чапаева, выпустил бронзовую медаль (планкетку). Планкетка изготовлена по модели гравера Монетного двора тов. Харитонова. На снимке: лицевая сторона планкетки.

ВОЖДЮ И УЧИТЕЛЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Дорогой товарищ Сталин!

Мы, писатели Москвы, собравшиеся для обсуждения Положения о выборах в Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик, обращаемся к Вам, любимому и славному вождю партии и народов СССР, гениальному творцу Конституции, под знаком которой весь Союз встречает сейчас свое 20-летие, с чувством творческой радости и гражданской гордости.

Всемирно-историческое значение Вами созданной Конституции вдохновляет нас творчески. Советское искусство движется вперед под Вашим мудрым руководством.

За 20 лет борьбы, учебы и роста искусство способствовало художественному раскрытию новой социалистической эстетики и морали, а сейчас получает, в свете Конституции, еще более обширные и глубокие задачи по воспитанию миллионов трудящихся великой Родины социализма и всего культурного и прогрессивного человечества.

Ничто так не воспитывает советского художника, как требовательность к нему социалистической Родины, и мы понимаем Избирательный закон, как такой закон для нас, который велит каждому поставить перед собой удесятеренные творческие задачи и решать их глубоко народно, имея путевою нитью рост и славу нашей Родины, пользу и счастье трудящихся.

Сталинская Конституция ставит перед нами почетную задачу показать в художественной литературе великую борьбу и победу партии Ленина — Сталина, славную сталинскую эпоху и выросших в этот период и выпестованных Вами людей: стахановцев, бойцов, героев всех участков социалистического строительства.

Враги народа — троцкистско-бухаринские последыши и буржуазные националисты, эти подлые фашистские агенты, шпионы и диверсанты пытались вредить и на фронте литературы. Советские писатели, гордые тем, что живут в сталинскую эпоху, работают под Вашим непосредственным руководством, борются на одном из важнейших идеологических участков классовой борьбы, заверяют Вас, что основные силы писателей, все лучшее и наиболее талантливое идет вместе с партией, вместе со всей Страной социализма.

Коммунистическая партия и лично Вы, дорогой товарищ Сталин, были, есть и будете вождем и учителем нашей социалистической литературы. Каждый из нас хочет жить, работать и побеждать на Ленинско-Сталинском пути.

Эти слова являются нашей творческой боевой клятвой в канун 20-летия Октября и нашей писательской программой.

Бойцы сталинской армии, мы берем Конституцию и Избирательный закон, как славные знамена большевистских побед, и зовем всех, работающих в области искусства и науки, стремительней и ярче развернуть свою творческую деятельность.

За Сталина!

Быть за Сталина, значит быть за Ленинскую партию, за нашу Родину, за счастье трудящихся всего мира, против звериных ужасов фашизма.

За Сталина!

За рост новых могучих талантов, за наш рост, за социалистическое отношение человека к человеку, перестраивающее весь мир.

За Сталина! — гордость трудящихся всего мира.

(Принято на общемосковском собрании советских писателей 9 октября 1937 г.).

Слово писателя

На общемосковском собрании

9 сентября в Доме ученых обильно представлены были все возрасты и жанры советской литературы. Писатели включаются в избирательную кампанию, мобилизуются для того, чтобы принять участие в той ответственной работе, цель которой — довести до широких масс содержание великой Сталинской Конституции, раз'яснить значение предстоящих выборов.

В эти минуты мысль и чувство, естественно, обращаются к людям, чей путь — это неизменное служение революции, чьи бессмертные подвиги рождены глубокой верой в массы, в победу идей социализма — в первую очередь к тому, с чьим именем связаны самые ослепительные победы революции — к Сталину.

Буря восторженных оваций вспыхнула в зале, когда председательствующий т. В. Ставский предложил выбрать вождя народов в состав почетного президиума. Овации возобновлялись с новой силой каждый раз, когда это имя упоминалось дальнейшими ораторами, и достигли высшего своего предела, когда зачитано было приветственное обращение к товарищу Сталину.

С исключительным вниманием слушает аудитория блестящий двухчасовой доклад **т. А. Вышинского.**

Докладчик остроумно разоблачает подоплеку буржуазного законодательства, его внутреннюю противоречивость, классовую направленность, антидемократичность.

Он убедительно, опираясь на утверждения буржуазных же теоретиков и правоведов, доказывает, что интересы буржуазного государства всегда идут в разрез с интересами общества, народных масс, что избирательная кампания в странах капитализма—это жалкая пародия на демократию, издевательство над идеями равенства, всеобщности и т. п., что правящая группа в буржуазных странах проявляет изумительную изобретательность по части околпачивания масс, нарушения собственных конституций.

Полной противоположностью этим «клочкам бумаги» являются Сталинская Конституция и новый Избирательный закон.

Между этими величайшими документами эпохи нет и следов противоречий, существующих между избирательными законами и конституциями Запада. Советский закон действительно обеспечивает всеобщность выборов, и в этом нет ничего удивительного: буржуазия всегда заинтересована в том, чтобы как можно больше сузить круг избирателей, а советская власть в том, чтобы **весь** народ избирал верховный орган государства, ибо сама эта власть — народная в исчерпывающем смысле этого слова.

Тов. Вышинский подробно характеризует принципы, легшие в основу Избирательного закона, и раз'ясняет целый ряд положений, недостаточно еще освещенных в предвыборной литературе. Он указывает на необходимость глубокого изучения Конституции и Положения о выборах для того, чтобы легче было пресекать поползновения врагов, нагло пытающихся использовать советскую демократию в своих преступных интересах.

Последние события показали, как гнусны в своих действиях троцкистско-бухаринские бандиты и шпионы, как мерзки они в своих подлых стремлениях подорвать авторитет партии, могущество нашей социалистической родины. Мы неуклонно очищаем советскую почву от троцкистско-фашистского сорняка, но нельзя еще успокаиваться. Нужно довести работу до конца и до последнего остатка ликвидировать всех гадов, мешающих победоносному шествию социализма.

Миллионные массы Советского Союза будут голосовать за Сталинскую Конституцию, за коммунизм, за партию, руководимую величайшим человеком современности — товарищем Сталиным.

Ноты радостной уверенности и силы прозвучали в выступлениях писателей — тт. Л. Никулина, Н. Асеева, С. Кирсанова, Вс. Вишневского, А. Барто, Л. Кассиля, В. Луговского.

В каждом их слове сквозила гордость советских патриотов, знающих, что они живут на самой счастливой земле, являются свидетелями и участниками величайших исторических событий, что на их глазах реализуются мечты лучших людей всех веков и всех народов.

Большинство из выступавших писателей имело возможность побывать недавно за границей и воочию убедиться, что представляет собою «право на труд» в буржуазной транскрипции.

Нужда, безработица, вынужденный отказ от материнства, увеличение детской смертности — явления, встречающиеся на Западе повсеместно. Вот почему с такой любовью и нежностью, с таким благоговением относятся трудящиеся всего мира к Советскому Союзу, где люди уверенно смотрят в будущее, где невозможна эксплоатация человека человеком, где всем обеспечено, **действительно** обеспечено право на труд, на отдых, на образование, на творчество, где вырастают поколения самых здоровых и счастливых людей в мире.

С огромным интересом слушала аудитория рассказы Вс. Вишневского, А. Барто и Л. Кассиля об их заграничных встречах. На каждом шагу им приходилось сталкиваться с выражениями беспредельного восторга по поводу Сталинской Конституции. О ней говорят буквально с трепетом. Любопытен, например, следующий эпизод. Старый французский ученый посетил пароход «Комсомол», который возвращался из Испании в СССР, и долго, страстно говорил советским морякам, какое значение имеет новая советская Конституция для всего человечества, и призывал их быть достойными сынами страны, где такая Конституция могла возникнуть.

Быть достойными сынами социалистической родины!

К этому призывали и все ораторы, выступавшие в прениях по докладу т. Вышинского: Л. Никулин, вспоминавший о великих предшественниках, которые жили мечтою о будущем, Вс. Вишневский, вызывающий в памяти картины первых боев за большевистскую власть, В. Луговской, рассказывающий о замечательных достижениях ленинско-сталинской национальной политики.

— Нужно словом и делом пропагандировать новый Избирательный закон, нужно вклиниться в жизнь, бороться вместе с народом за наше общее счастье. Нужно создавать стихи, поэмы, рассказы, пьесы, в которых отражалось бы величие эпохи, которые помогли бы массам глубже постигнуть смысл происходящих событий!

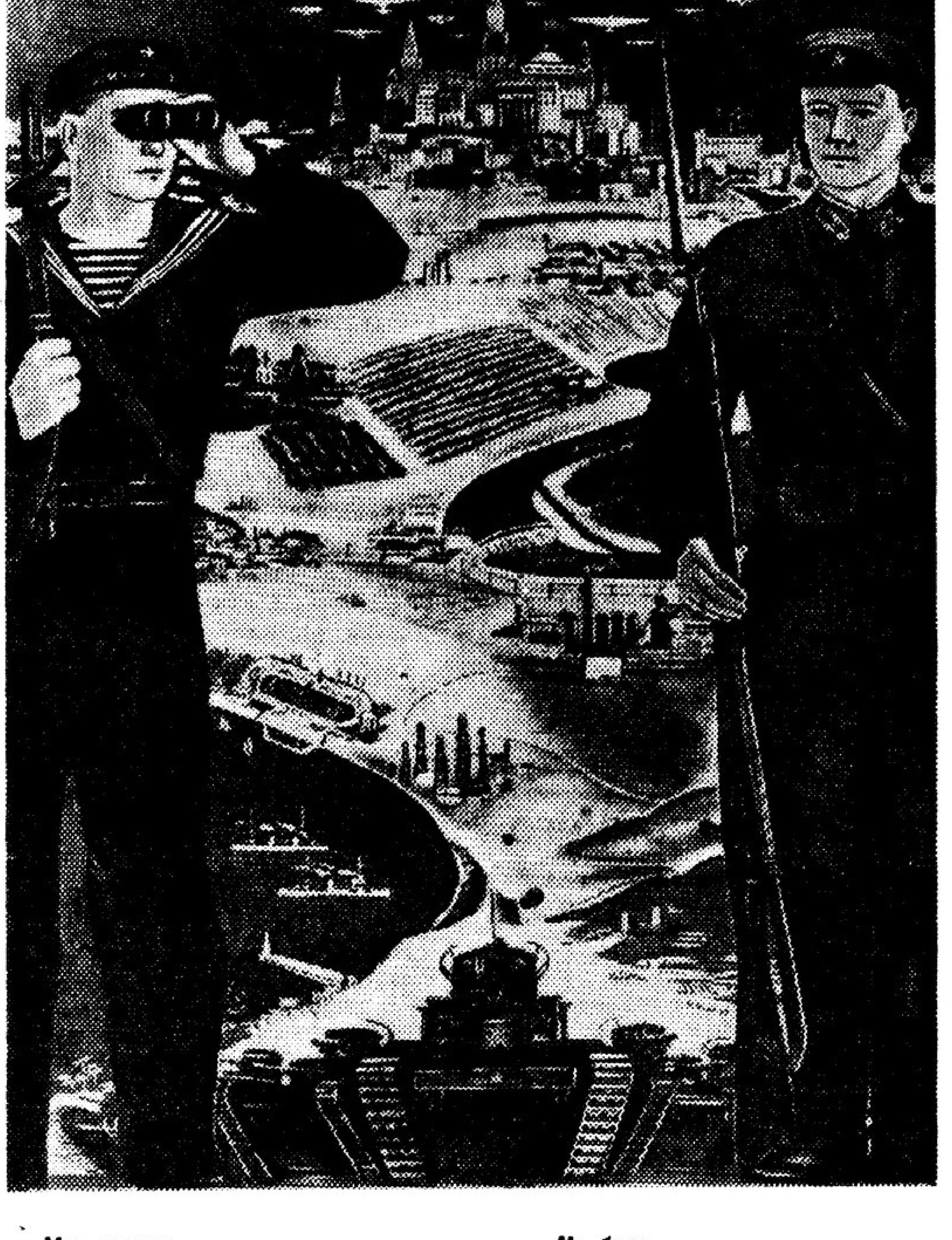
К сожалению, очень немногие поэты следуют пока этому прекрасному лозунгу, прозвучавшему с большой силой на общемосковском собрании писателей. Одним из этих немногих явился Н. Асеев, который не общими словами, а новыми, специально написанными песнями демонстрировал свою готовность включиться в пропагандистскую работу.

Интересную речь произнес С. Кирсанов, звавший писателей продолжать традиции таких художников, как М. Горький и В. Маяковский, которые умели обрушиться с сокрушительной силой на врагов революции.

Нужно беспощадно выкорчевать всю сволочь, путающуюся в ногах пролетариата-победителя. Нужно сорвать со всех шпионов, предателей и изменников их гнусные личины. Тут слово художника должно явиться разящим оружием. Нужно научиться распознавать врага и проявлять в борьбе против него ту смелость и прямоту, которые единственно дают право на почетное звание советского поэта.

Эта же мысль лежала и в основе выступлений тт. Вишневского, Никулина, Луговского и др.

По окончании прений т. Вышинский ответил на ряд поступивших к нему записок. Увы, из них явствует со всей очевидностью, что некоторые писатели имеют еще пока очень отдаленное представление о новом Избирательном законе. С горечью констатируя этот факт, т. П. Павленко приглашал сделать отсюда все надлежащие выводы.

Мы строим,
жнем
и сеем.
Наш лозунг:
«Мир и гладь».
Но мы
себя
сумеем
винтовкой отстоять.

Не будь,
товарищ,
слепым
и глухим!
Держи,
товарищ,
порох
сухим!

В. МАЯКОВСКИЙ

Плакат художников **В. Ливановой** и **О. Эйгес** со стихами **В. Маяковского,** выпускаемый Изогизом к 20-летию Великой Социалистической Революции.

Республиканское совещание писателей Узбекистана

ТАШКЕНТ, 9 октября. **(Наш корр.).** Третьего дня в Ташкент приехали из Москвы ответственный секретарь ССП СССР поэт-орденоносец Гасем Лахути и писатель И. Жига. Приезд их связан с созываемым 11 октября республиканским совещанием писателей Узбекистана.

На повестке дня совещания — доклад о положении в литературной организации Узбекистана и выборы оргкомитета союза.

Разоблаченные враги народа — буржуазные националисты и троцкистско-бухаринские шпионы, орудовавшие в союзе писателей Узбекистана — Курбан Берегин, Усманов, Анкабай и др., — всячески искажали подлинное лицо народного творчества узбеков. Враги дискредитировали здоровую часть писательской общественности, чернили молодых писателей, зажимали самокритику, нарочито задерживали издания советской литературы.

В цветущем Узбекистане много честных писателей, творчество которых созвучно нашей счастливой эпохе.

21 октября союз писателей Узбекистана организует вечер-показ узбекской советской литературы.

Со всех концов Узбекистана на этот вечер с'едутся советские писатели, народные певцы, поэты, импровизаторы, которые продемонстрируют пышный расцвет советского народного творчества.

Совещание молодых поэтов

8 октября состоялось совещание молодых поэтов, созванное «Литературной газетой» совместно с Союзом советских писателей.

Вступительное слово по первому вопросу повестки совещания — о моральном облике писателя — сказал т. В. Ставский.

В прениях выступили тт. С. Васильев, Д. Кедрин, С. Островой, К. Симонов, А. Ойслендер, А. Коган, С. Смирнов, Л. Ошанин, А. Гольдберг, А. Сурков и Ф. Левин. Продолжение собрания за поздним временем перенесено на 10 октября и начнется в 6 ч. веч. в помещении ССП.

Подробный отчет о совещании будет дан в следующем номере «Литературной газеты».

Новая поэма П. Тычины

Выдающийся украинский поэт Павло Тычина закончил поэму о легендарном командире Красной Армии — Котовском.

П. Тычина взял один из ярких моментов героической борьбы рабочих и крестьян Украины под руководством партии Ленина—Сталина. Это — осень 1920 года, когда кавалерийская бригада под командованием Котовского разгромила польские и петлюровские банды, пытавшиеся захватить Винницкий район Украины.

Поэма выходит к XX годовщине Великой социалистической революции.

В последнем номере «Литературной газеты» Украины помещен отрывок из поэмы «Котовский».

Поездка Театра Красной Армии на Дальний Восток

Центральный театр Красной Армии 11 октября уезжает на Дальний Восток для культурного обслуживания частей ОКДВА. Театр выезжает в полном составе, во главе с художественным руководителем, заслуженным деятелем искусств А. Д. Поповым.

В репертуаре театра: «Мещане» и «Васса Железнова» — А. М. Горького, «Гибель эскадры» — Корнейчука, «Год девятнадцатый», «Мстислав Удалой» — Прута, «Бойцы» — Ромашева, «Господа офицеры» — Голичникова и Попаригопуло (переделка повести Куприна «Поединок») и другие пьесы.

За время поездки театр будет работать над постановками пьес: «Голуби мира» — Всеволода Иванова и «Дружба» — Виктора Гусева. Обе пьесы посвящаются 20-й годовщине Красной Армии.

В план дальнейшей работы театра, после возвращения его в Москву, включены еще две новых пьесы: «Граница» — Ник. Погодина, написанная на тему об охране дальневосточных советских границ; вторую пьесу — «Бородино» — пишет Шервинский по материалам романа Льва Толстого «Война и мир».

«Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского в Мадриде

Революционный поэт республиканской Испании Рафаэль Альберти сообщает нам:

Четырнадцатого октября в помещении мадридского театра «Сарсуэлла» состоится премьера пьесы советского драматурга Всеволода Вишневского «Оптимистическая трагедия».

Пьесу ставит театральный коллектив «Искусство и пропаганда», работающий под руководством Марии Тересы Леон. В этот коллектив входит 70 испанских артистов.

7 ноября — в ознаменование 20-летия Великой Социалистической Революции — коллектив «Искусство и пропаганда» предполагает показать постановку «Оптимистической трагедии» в Валенсии.

Мадрид. По телефону.

ПОДГОТОВКА К ВЫБОРАМ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

ПЕРЕКЛИЧКА ПОЭТОВ

Коллективный сборник

ЛЕНИНГРАД. (**Наш корр.**). В предыдущем номере «Литературной газеты» было напечатано предложение В. Саянова об издании к выборам в Верховный Совет СССР коллективного сборника ленинградских поэтов.

Как сообщил нам председатель поэтической секции ленинградского союза писателей т. Н. Тихонов, предложение В. Саянова будет обсуждено на специальном совещании поэтов, созываемом 17 октября.

На этом же совещании будут разработаны и другие мероприятия, связанные с участием поэтов в подготовке выборов в Верховный Совет СССР.

У ленинградских драматургов

ЛЕНИНГРАД. (**Наш корр.**). Ленинградская секция драматургов развернула работу по изданию одноактных пьес, посвященных Сталинской Конституции и выборам в Верховный Совет СССР.

К этой работе решено привлечь не только драматургов-профессионалов, но и другие авторские кадры союза писателей.

Все темы и готовые пьесы будут предварительно обсуждены в секции драматургов.

В настоящее время секция располагает уже двумя пьесами: Ольги Форш и драматурга Ялунера.

Ждут уполномоченного

ИВАНОВО, 9 октября. (**Наш корр.**). До сих пор ивановские писатели ничего не сделали для того, чтобы включиться в работу по подготовке к выборам в Верховный Совет.

— Уполномоченный союза писателей т. Князев уехал в отпуск и приедет только 1 ноября, — жалуются местные писатели.

Несмотря на то, что среди членов союза и кандидатов есть партийные товарищи и комсомольцы, никто из них не подумал о том, что писатели города Иваново — крупнейшего текстильного центра Советского Союза — могли бы во многом помочь местной общественности.

Тихая заводь

Страна живет напряженнейшей политической жизнью. Все трудящиеся готовятся достойно встретить 20-ю годовщину Великой социалистической революции. Всюду —в цехах и клубах идет изучение Сталинской Конституции и Положения о выборах в Верховный Совет СССР.

Только Дом советских писателей в Москве по традиции живет тихой, тихой жизнью. Клуб московских писателей не посвятил новому избирательному закону ни одного собрания, ни одной лекции.

Директор клуба т. Минкина откровенно заявляет:

— Ничего не делали, ничего не намечаем.

С горькой завистью, нужно думать, Дом советских писателей пассивно наблюдает, как развертывают работу по изучению Сталинской Конституции и Положения о выборах в Верховный Совет СССР Московский дом печати, Дом актера, Клуб мастеров искусств.

Но доколе же? Пора правлению Дома советских писателей проявить свою инициативу.

Почему бы ему не организовать в ближайшее время специальные вечера прозы и поэзии, которые показали бы итоги творческой работы московских писателей к двадцатилетию Великого Октября?

Почему бы не провести читки отрывков из драматических произведений и киносценариев, написанных ко дню великого праздника страны социализма?

Пропагандисты избирательного закона ощущают большую нужду в литературно-художественном материале, рассказывающем о героических буднях советской страны, эксплоататорских порядках дореволюционной России и т. п.

Дом писателей мог бы подготовить указатели этой литературы, подобрать отрывки и тем самым конкретно помочь пропагандистам в их работе.

Но об этом не думают в Доме советского писателя.

Многое может сделать Дом советских писателей. Но хочет ли он что-нибудь делать?

ЛИТЕРАТОР.

Счет писателям

Беседа с председателем Краснопресненского райсовета тов. В. А. Ворониным

Краснопресненский район имеет большое революционное прошлое. В дни исторических боев 1905 года рабочие Красной Пресни на баррикадах защищали свое право на свободную, счастливую жизнь.

Краснопресненский район свято хранит революционные традиции, особенно традиции великих дней Октября. На заводах и фабриках Красной Пресни сегодня работают тысячи стахановцев, ударников. В районе около 200 тысяч трудящихся. Красная Пресня разделена на 61 избирательный участок.

Первый этап предвыборной работы в районе уже завершен. Работают 1200 агитаторов. Но тем не менее нужда в людях огромная, так как это количество агитаторов может обслужить только четвертую часть избирателей Красной Пресни.

Вот почему общественность района пред'являет счет союзу советских писателей, пред'являет счет писателям, пославшим своих депутатов А. Серафимовича, В. Бахметьева и А. Барто в Краснопресненский райсовет.

Группа писателей уже привлечена парткомом ССП для участия в избирательной кампании. Писатели ведут кружки по изучению избирательного закона среди неорганизованного населения района.

Но союз писателей несомненно может и должен привлечь к этой деятельности значительно большее количество своих членов.

Писатели должны помочь району в очень многом, так как методы пропаганды и агитации чрезвычайно разнообразны.

Лекции, беседы, чтение литературных произведений, отображающих выборы в царской России и в капиталистических странах, выборы у нас, в стране социализма, рассказы об успехах социалистического строительства, раз'яснение отдельных статей Сталинской Конституции, экскурсии в музеи, на выставки, просмотры некоторых советских фильмов — во всем этом несомненно могут принять участие советские писатели, передовые люди нашей страны, инженеры человеческих душ.

Работы — непочатый край. Взять хотя бы заводские печатные газеты. Кто должен помочь им, как не писатели? И эта их помощь тем более необходима, что в связи с выборами заводские многотиражки будут выходить чаще и обслуживать весь избирательный участок.

Краснопресненский райсовет уверен, что московские писатели и их союз в ближайшие же дни сосредоточат все свои силы на участии в подготовке к выборам в Верховный Совет СССР.

Взялись за перо

ГОРЬКИЙ, 9 октября. (**Наш корр.**). Областное отделение союза писателей подготовило к дням выборной кампании большой сборник отрывков из крупных художественных произведений, рисующих выборную систему в царской России и в странах Старого и Нового света.

Среди авторов отрывков: Марк Твэн, Байрон, Диккенс, Анатоль Франс, Лев Толстой, Салтыков-Щедрин и др.

Сборник выйдет 1 ноября.

Писатели города Горького печатают в местных газетах рассказы и очерки, посвященные подготовке к выборам в Верховный Совет СССР.

Н. Кочин работает над большим очерком о нижегородском губернаторе Хвостове и над рассказом на тему «Выборы в Верховный Совет».

В. Костылев пишет очерк о том, как выбирали в государственную думу, и очерк о нижегородском городском голове Сироткине. Для клубной сцены В. Костылев готовит инсценировку на тему «Конституция СССР и Конституция Америки».

А. Муратов заканчивает очерк, в котором рассказывается об условиях труда в дореволюционной России и в СССР.

Единой семьей, не знающей национальной вражды и розни, народы нашей социалистической родины радостно готовятся к выборам в Верховный Совет СССР. На снимке: **ученица школы села Червленое** (Красноармейский район Сталинградской области) **Роза Куканова читает старикам-колхозникам калмыцкого колхоза «Путь Ленина» «Положение о выборах в Верховный Совет СССР».** (Союзфото)

НАВСТРЕЧУ 20-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

«На берегу Невы» К. Тренева в Малом театре

Весной этого года драматург К. А. Тренев читал коллективу Малого театра свою новую пьесу, посвященную 20-й годовщине Великой социалистической революции. О людях, в борьбе добивающихся победы над врагами, о вере в торжество идей социализма, о силе великого ленинского слова рассказывает пьеса Тренева «На берегу Невы».

Первоначальный вариант пьесы представлял собой собрание отдельных сцен и эпизодов, не всегда достаточно тесно связанных между собою. Кроме того, текста было слишком много, из него, по выражению режиссера К. П. Хохлова, получилось бы полтора спектакля. После двух месяцев упорной и дружной совместной работы режиссера и автора пьесы появился на свет второй вариант.

20 августа начался репетиционный период, и работа над пьесой вошла в новую фазу. Роли как бы «примерялись» на актерах. Рождались новые слова и положения. Углублялись и расширялись характеры, вырастали роли главных героев.

В процессе работы отделывались многие куски текста. Например сцена спора на митинге о «займе свободы» получилась более яркой и политически острой после того, как режиссурой был привлечен новый документальный материал, почерпнутый в Музее Революции и в Музее Ленина. Музеи посещали и артисты, желая глубже изучить изображаемую среду.

С огромным воодушевлением работает весь коллектив орденоносного Малого театра, готовясь показать в торжественный день 7 ноября монументальный героико-революционный спектакль.

В Ленинградских театрах

Ленинградский государственный академический театр им. А. С. Пушкина покажет в юбилейные дни пьесу К. Тренева **«На берегу Невы»**.

Юбилейный спектакль театр готовит, соревнуясь с Большим драматическим театром им. А. М. Горького, в котором пойдет пьеса Ю. Яновского **«Дума о Британке»**.

В государственном театре им. Ленинского комсомола готовится пьеса Н. Вирта **«Земля»**.

Государственный Новый театр работает над пьесой Л. Рахманова **«Беспокойная старость»**.

Конкурс продолжается

Предоктябрьский литературно-художественный конкурс Гослитиздата формально закончился.

7 октября состоялось заключительное заседание жюри в составе Н. Накорякова, Вс. Иванова, Л. Леонова, М. Серебрянского и др., которое подвело итоги конкурса.

Всего на конкурс прислано 203 рукописи, из которых к об'явленному сроку поспели 167. Преобладающая форма произведений — рассказ и повесть. Стихотворных произведений поступило всего 32, пьес — 7. Эта группа рукописей наиболее слабая и в художественном отношении.

Вообще процент брака среди поступивших на конкурс рукописей велик. Сто рукописей пришлось отсеять при первом же отборе: часть из них оказались малограмотными и написанными не на тему.

Стадию чернового отбора благополучно прошла только 31 рукопись. Из этого актива конкурса 15 рассказов были переданы в литконсультацию для работы с их авторами. На рассмотрение жюри попали 16 рассказов. Каждый из этих рассказов прошел перекрестную проверку нескольких членов жюри.

*

Из рассказов, с которыми непосредственно имело дело жюри, заслуживающим поощрения признан только один — рассказ **«Начало истории»**. Рассказ этот очень положительно рекомендовали Вс. Иванов и Л. Леонов, отмечавшие несомненную одаренность автора. В небольшом рассказе — около одного печатного листа — отдельными сюжетными пятнами хорошо показана эпоха.

Автору рассказа «Начало истории» присуждена третья премия. По вскрытии конверта выяснилось, что это ленинградский писатель-коммунист **Борис Ильин**.

На второе место по значительности содержания и одаренности авторов поставлены рассказы «Телефонист Иванов», в котором показан Ленин в дни Смольного, «Штормовые ночи» и «Подарок». Эти три рассказа решено рекомендовать для напечатания и признано необходимым оказать творческую помощь их авторам.

Автор рассказа «Телефонист Иванов» — Г. Ф. Леберехт, бывший рабочий, ныне студент Литературного института имени А. М. Горького. Автор рассказа «Штормовые ночи» — врач, а автор «Подарка» — молодая женщина, экономист одного из ленинградских заводов.

Те или иные достоинства имеют и остальные, бывшие на рассмотрении жюри, рассказы: «Брянцы», описывающий октябрьские события на металлургическом заводе им. Петровского (б. Брянском), «Блестящая операция», «Дядя», «Разбитая кукла», «Большой костер». Все эти рассказы признаны, однако, не заслуживающими поощрения и переданы в литконсультацию для дальнейшей работы с их авторами.

*

Жюри решило продолжить конкурс, тема которого будет сформулирована значительно шире: «Двадцать лет советской власти».

Новый срок конкурса — 1 августа 1938 года.

Открытие ленинградского Дома писателя

ЛЕНИНГРАД. (**Наш корр.**). 11 октября открывается после летнего перерыва Дом писателя имени Маяковского.

В беседе с вашим корреспондентом председатель правления Дома писателя т. Б. Лавренев рассказал о ближайших планах писательского клуба.

Подготовка и проведение величайшего праздника народов — двадцатилетия Великой социалистической революции и подготовка к выборам в Верховный Совет СССР — основные задачи, которые ставит себе правление клуба.

В октябре и ноябре в Доме писателя будут проведены цикл политических докладов и литературно-художественные вечера, которые явятся смотром творческой работы ленинградских писателей к двадцатилетию Великого Октября.

Намечены вечера поэзии и прозы.

Большой вечер будет посвящен стихам и песням о Сталине. Совместно с союзом композиторов будет устроен вечер юбилейных октябрьских песен, написанных ленинградскими авторами.

Драматурги и авторы эстрады также выступят с отрывками из своих юбилейных произведений. На экране будут показаны юбилейные фильмы ленинградских кинофабрик.

Великую Октябрьскую годовщину предполагается отметить торжественным заседанием 5 ноября и рядом октябрьских вечеров для писателей, для ребят, для подшефной школы.

— Старое, ныне разоблаченное руководство ЛенССП, — подчеркивает т. Лавренев, — стремилось изгнать из писательского клуба политическую работу. Это привело в прошлом к большим прорывам в деятельности Дома писателя. Сейчас мы в корне перестраиваем работу.

Ближайшие месяцы, связанные с празднованием 20-летия Октября и подготовкой к выборам в Верховный Совет СССР, явятся экзаменом для работников и всего актива Дома писателя.

Новые произведения П. Павленко

Из беседы с писателем

П. Павленко заканчивает первую часть трилогии «Шамиль».

Заинтересовавшись национальным героем Дагестана и его эпохой, П. Павленко стал изучать историю народно-освободительного движения горцев Дагестана. Уже в процессе этого изучения стало ясно, что исторические материалы прекрасно укладываются в литературно-художественное произведение, и мысль написать роман о Шамиле показалась весьма заманчивой.

— Задача, однако, — говорит автор, — заключалась не в том, чтобы дать замкнутый круг событий середины прошлого столетия. Возникла необходимость показать, как борьба горцев против русского самодержавия, окончившаяся в 1859 году, отразилась на дальнейшей национально-освободительной борьбе дагестанского народа.

Задуманный роман, таким образом, перерос рамки одной книги и превратился в трилогию, вторая и третья части которой охватят периоды, хронологически следующие за восстанием горцев.

Вторая часть трилогии — «Гергебиль» — будет посвящена судьбе одного аула после поражения Шамиля, в третьей части — «Дагестан» — будет описан тот же аул в наши дни.

На фоне столетней эпопеи будет рассказана история одной горской семьи — от деда до внуков.

Через всю эпопею проходит один человек — герой первой части трилогии. Этому человеку сейчас 117 лет. Старик — очевидец и участник восстания горцев в XIX веке, пройдя через десятки лет тяжкой жизни, стал красным партизаном. Он участвовал в слете партизан, на котором товарищ Сталин лично провозгласил независимость Дагестана.

Так исторические события XIX века тесно увязываются с сегодняшним днем, а судьба действующих лиц трилогии отображает исторический путь народа — от рабского угнетения царизмом к свободной, радостной, светлой жизни в советской стране.

В первой части трилогии — «Шамиль» — двенадцать печатных листов. Две следующие части будут окончены в течение 1938 года.

Второе произведение, недавно оконченное П. Павленко, — сценарий «Господин Великий Новгород». Тема его — Ледовое побоище на Чудском озере.

Мысль о создании сценария возникла в связи с изучением писателем материалов о продвижении немцев на Восток.

Тевтонский орден дважды терпел жестокие поражения — на Неве и Чудском озере. Этот исторический факт и задумал показать Павленко в сценарии, фильм по которому будет сниматься С. М. Эйзенштейном.

Сталинская Конституция в народных песнях

Последние дни А. М. Горького совпали со днями всенародного обсуждения Сталинской Конституции.

По свидетельству одного из близких к Горькому, умирающий Алексей Максимович, задыхаясь, сказал:

«Теперь в стране камни поют»... Это образное выражение «камни поют» правильно определяло тогдашнюю обстановку. Всенародное обсуждение проекта Конституции, доклад товарища Сталина о Конституции, принятие Конституции прошли как общенародный праздник во всех уголках необ'ятной страны, «от края и до края, от моря и до моря», во всех одиннадцати республиках.

Радость, веселье, гордость, преданность партии и ее вождю — вот чувства, которые охватили миллионы людей в эти дни.

Голос вождя народов, который услышала вся страна, вызвал небывалый под'ем народных масс. Это чувство хорошо передал казахский народный певец-импровизатор орденоносец **Джамбул**, откликнувшийся на доклад товарища Сталина песней:

Снега Алатау одеты в закат,
В последних лучах, как рубины горят.
Звезда серебрится, и в яблонный сад
По радио вести летят.
Я слышу их, хмуря суровую бровь,
И старое сердце волнуется вновь:
В Испании — кровь, в Манчжурии — кровь
И в Абиссинии кровь.
Но вот из далеких кремлевских палат
Овации горным потоком гудят.
Сердца согревая, планету будя,
Доносится голос вождя.
Волнуется мир. Тишина разлилась,
Настал на земле исторический час.
С трибуны звучит, как могучий набат,
Вождя гениальный доклад.
Казахи в степях, грузины в горах,
Зыряне в лесах, белоруссы в полях —
Народы, чтоб каждое слово сберечь,
Слушают Сталина речь.

Конституция, всколыхнувшая миллионы сердец, не могла не отразиться в народном творчестве.

Сталинская Конституция, переведенная на все языки народов, населяющих многонациональный, многоязыкий Советский Союз, стала источником вдохновения для сотен и тысяч акынов, жирши, ашугов, бахши, гафизов — народных певцов, выражающих чувства, мысли и настроения широчайших народных масс.

По-казахски, по-лезгински, по-грузински, по-киргизски, по-татарски — на десятках языков необ'ятной родины сложены и поются песни о Сталинской Конституции.

На наших глазах слагаются фрагменты величавой, монументальной эпопеи о солнечном, счастливом законе, о дружбе народов, о батыре батырей — вожде человечества — Сталине.

В горах Дагестана передается из уст в уста песня о Конституции и ее творце, сложенная **Сулейманом Стальским**:

Все то, о чем народ мечтал,
В законы наши он вписал
И Конституцию нам дал,
Что признана на свете лучшей.

Девяностолетний певец Казахстана Джамбул отозвался на Конституцию песней «Великий Сталинский Закон», которая стала широко известной не только в Казахстане, но и во всем Советском Союзе.

Джамбул застал еще ханские законы, он испытал на своем горбу царские законы. Песню о Сталинской Конституции он начинает с воспоминания о черных законах хана, Аллаха, Николая...

Много законов я в жизни знал,
От этих законов согнулась спина,
От этих законов слезы текли,
Глубокие складки на лбу залегли —
Законы Аллаха, законы Аблая,
Законы кровавого Николая.
По этим законам детей отбирали,
По этим законам людей убивали,
Девушек наших, как скот, продавали,
По этим законам гуляли, как смерч,
Бесправие, голод и смерть...

Дав от лица народа, от имени миллионов беспощадную оценку черным законам прошлых лет, Джамбул противопоставляет им Сталинскую Конституцию, исторический документ, в котором закреплено то, о чем мечтали лучшие умы человечества на протяжении веков.

Казахскому акыну Джамбулу вторит один из лучших ашугов нефтеносного Азербайджана — **Асад**, откликнувшийся на Конституцию песней:

Руки вскинуты вверх,
И глаза от восторга смеются,
Струны сазов несут
По земле несмолкаемый звон.
Над страною, как солнце,
Сияя, встает Конституция —
Мудрый, Сталинский, ясный,
Несущий нам счастье, закон.

В дни, когда на Красной площади шумящего тополями и поющего арыками Ташкента сотни тысяч трудящихся узбеков демонстрировали свою верность партии и ее вождю, возникла песня о Сталинской Конституции:

В могучем содружестве Сталинских стран
Звездою сияет Узбекистан.
В полях наших сказочный хлопок цветет,
Нас Сталин и партия движут вперед.
В лучах и колосьях сияет наш герб —
В железном содружестве молот и серп.
Под этим гербом сравняли свой шаг
Узбек и счастливый каракалпак.
Насилье и рабство исчезли навек,
И спину свою разогнул человек.
Слова Конституции право дают
На отдых, культуру и творческий труд.
Гудит, как набат, над страной манифест:
«Кто не работает, тот не ест!»
Запели в сердцах миллионов людей
Слова величайшего из вождей.
Словам Конституции верен народ,
В ней каждая строчка о счастьи поет,
В ней каждая буква сверкает, как луч,
Как солнце, творец ее смел и могуч!

Как бурные, весенние ручьи, звенят в русских колхозных селах и деревнях частушки, откликающиеся на то, чем люди живы:

Мы не даром отстояли
Силы революции,
Все законы записали
В новой Конституции, —

поют колхозники орденоносной Московской области. Им откликаются колхозники и колхозницы Куйбышевской области:

Ручейками песни льются,
В песнях бодрые слова.
В Конституции даются
Всем большие нам права.

Народный певец Крымской республики **Абибулла Софу** сложил и с большим успехом исполняет новую песню о Сталинской Конституции:

Законы Сталинские дышат
Перед народом, как цветы.
Когда прочтешь их иль услышишь,
Как медом, насладишься ты.

За Полярным кругом, в чумах ненцев поют новую песню, в которой есть такие примечательные слова:

Конституция нам дала
Правду острую, как стрела.

В солнечном Туркменистане поют песню о великом тое [1]:

Веселый той! — И скачки и борьба.
Дни радости цветами жизнь венчает,
И в прошлое навеки отступает
Страны родной суровая судьба.

В горном Таджикистане народный певец **Искандербек Керимов** пропел полную гнева и презрения «Песню о змеях», в которой заклеймил ненавистное змеиное племя троцкистов. Таджикский певец славит Конституцию и ее гениального автора, против которого были направлены жала презренных змей:

Змеи ползли, неотступно следя
За полководцем походов.
Жала тянулись к сердцу вождя
Всех угнетенных народов,
К сердцу того, кто нам радость дал,
Кто нам, как солнце, светит,
Кто Конституцию нам написал
Самую лучшую в свете...

Казахский акын **Малтыкбай** выступил с песней на шумном собрании, где был доклад о Сталинской Конституции. Его песня прозвучала, как своеобразное поэтическое слово в прениях:

Хочешь — будь инженером,
Хочешь — води поезда,
Будь машинистом, будь землемером,
Узнай, почему горит звезда.
Хочешь — летчиком беспримерным
Будь, если ты храбр и смел.
Это он
Дал нам такой чудесный закон.

Переведя на язык народной поэзии статьи Сталинской Конституции, от которых «земля колосится и молодеет», Малтыкбай восклицает:

Землю свою нам не узнать,
Землю свою хочу целовать.
Это он
Дал нам такой закон!

Два акына — **Джакнаев и Анткалиев**, вчерашние пастухи, теперешние актюбинские рабочие, создали песню о Джауке, в которой прославляется Сталинская Конституция:

Как же тебе не гордиться, друг,
Как тебе гордым не быть,
Если сейчас не один Джаук
Может счастливо жить?

Если солнце теперь —
Для тебя и для меня,
Если ветер в степи,
Как кобыз, поет,
Если самого быстрого коня
Судьба под уздцы ведет?
Колышется море, колышется,
Колышутся травы, колышутся,
Я степью еду.

Мне радостно дышится
На самой цветущей земле.

Народные певцы, слагающие песни о Сталинской Конституции, обнаруживают большую политическую зрелость и уменье провести исторические параллели.

Певцы не просто говорят, что Сталинская Конституция — «лучшая в свете», но и аргументируют это, обращаясь к чувствам слушателей, будя в них память о проклятом прошлом.

В этом смысле очень показательна песня казахского акына **Утепа**. Акын начинает песню с обзора законов, действовавших в бывшей «тюрьме народов» — Российской империи, чьей колонией был Казахстан:

Рабство, голод, кандальный звон,
Ночь, укутанную в туманы, —
Вот что нес нам ханский закон,
Освященный муллой и кораном.
Саблю, плеть, боевой патрон
Да намыленную веревку,
Вот что нес нам царский закон,
Охраняемый пушкой с винтовкой.
Грязь, бесчестье, обман и стон,
Вместо хлеба — горючий камень
Нес алаш-ордынский закон,
Проводимый плетьми и штыками.

В двенадцати строчках акын Утеп сумел дать уничтожающий, полный гнева и ненависти приговор ханскому, царскому и алаш-ордынскому законам. Потом он ударяет по струнам домбры, и в голосе его звучит гордость и радость:

Самый лучший на свете ковер,
На котором выткан Сталин.
Самый мудрый из всех разговор,
Что ведет с народами Сталин.
Самый крепкий на свете трон
Пал, разрушенный революцией.
Самый лучший в мире закон
Это — Сталинская Конституция.
Золотые в ней буквы горят,
Как лучи, разгоняя ненастье,
Золотые слова говорят
О всеобщем довольстве и счастьи.
Никогда и нигде человек
Не ходил по земле окрыленным,
Как в счастливейший Сталинский век,
Как под Сталинским мудрым законом.

В народных песнях о Конституции выражена большая, идущая от самых сердец, неизбывная, неиссякаемая любовь к тому, кто, по словам девяностолетнего Джамбула:

...К солнцу и ясному счастью ведет
В огне Октября возрожденный народ,
Кто самый большой человек на планете,
Кто дал Конституцию, лучшую в свете,
Кто судьбы народные держит в руках,
Чья светлая слава сияет в веках.

Гослитиздат издает к XX годовщине Великой социалистической революции большую книгу «Сталинская Конституция в поэзии народов СССР». В ней собраны песни двадцати пяти народов.

Однако эта книга далеко не исчерпывает большой темы. Книга собиралась в значительной степени кабинетным способом, без достаточно широкого привлечения общественности одиннадцати республик.

Дело чести союза советских писателей — собрать и подготовить к печати (т. е. перевести на русский язык, отобрать, отредактировать) все лучшие песни народов СССР, посвященные величайшему документу нашей эпохи — Сталинской Конституции.

К. АЛТАЙСКИЙ.

[1] Той — пир.

Писатели к 20-летию Великой социалистической революции

Николай ВИРТА

Делегат десятого с'езда

Действие романа «Одиночество» происходит в 1921 году, во время эсеро-кулацкого восстания Антонова. Командир партизанского коммунистического отряда Листрат Григорьевич вместе со своим отрядом засел на станции и обороняется от антоновцев.

На станции живет брат Листрата — Ленька, бывший батрак кулака Сторожева, одного из активнейших антоновцев. В феврале 1921 года Ленька ушел от антоновцев к красным, в отряд своего брата. В селе Грязном, занятом антоновцами, осталась его жена, Наташа Баева. В конце марта 1921 года на станцию, в отряд к Листрату, приезжает делегат 10-го с'езда партии Сергей Иванович Сторожев, брат кулака Сторожева. Сергей Иванович назначен в этот район председателем ревкома. Партия приступила к ликвидации эсеро-кулацкого мятежа.

1

К весне дела Листрата стали поправляться. Он установил постоянную связь с регулярными частями Красной Армии, достал фураж для худых, еле передвигающихся лошадей, достал продовольствие.

Люди повеселели, зимние тяжкие дни стали забываться, впереди чудился просвет.

Когда лошади вошли в тело, Сашка Чирикин снова принялся за старую свою работу. Во главе двадцати удалых ребят — почти все они были комсомольцами — Сашка налетал на села, присоединившиеся к Антонову, вылавливал «вохровцев» — антоновских милиционеров, комитетчиков; возил в села листовки и газеты, забирался порой под самую Каменку.

Федька, после происшествия на хуторе Кособокова, стал отчаянным до безрассудства. Листрату приходилось часто брать парня «на цугундер». Но Федька, отбыв наказание, опять пускался в самые рискованные предприятия. Сашка Чирикин смотрел на проделки Федьки сквозь пальцы, — храбрых людей он любил.

— Боевой коммунар растет, — говорил он Листрату. — Храбрец! — Храбрость — не ум, — хмуро замечал Листрат. — Попадется, дурак, как кур во щи, помяни ты мое слово. Мне каждый человек дорог, а он, как сумасшедший, носится, вихор его забери! Вот я вас обоих на цугундер.

Сашка Чирикин просил Листрата пустить в его отряд Леньку, но Листрат упорно сопротивлялся. По совести говоря, он еще не совсем верил брату. Ленька тосковал по Наталье, рвался к ней и мог совершить, ради свидания, любую глупость. Листрату казалось, что Ленька даже способен снова уйти к Антонову, лишь бы видеть Наташу. «Непутевый парень, — думал Листрат, — шелопутная душа. Туда и сюда вихляет. Не-ет, его в разведку пускать нельзя, его на глазах держать надо».

И никуда от себя не отпустил брата, поручал ему хлопотливые хозяйственные дела, Ленька занят был весь день.

К этому времени в добровольческом коммунистическом отряде Листрата было уже около ста пятидесяти человек. У многих коммунистов тут же, на станции, жили семьи. Всех их надо было накормить, всем дать жилье, топливо. Леньке, которому Листрат поручил заботу о коммунистах, приходилось заниматься сотней дел, это отвлекало его от мрачных дум о Наташе.

Он не знал, что делается в Грязном, связи с селом не было, там еще плотно сидели антоновцы. Приходили к Листрату мужики из соседних сел и, как на зло, никто из них ничего не знал о Наташе Баевой.

И не только думы о Наташе терзали Леньку. То ему казалось, что он сделал подлость, убежав от Антонова; то представлялось, что и брат и все коммунары не верят ему, злы на него, не считают своим, сторонятся.

Только с Федькой Ленька мог говорить по душам. Он, не стесняясь, расспрашивал седоволосого парня об всем, что ему было непонятно, неясно. Федька читал Леньке тамбовскую газету, рассказывал все, что слышал от старших. Рассказы его звучали страстной уверенностью.

— Скоро Антонову будет конец, — убежденно говорил Федька, и глаза его блистали. — Ленин на десятом с'езде сказал такую речь, — Антонову от нее каюк.

— Ну, брат, и загнул, — насмешливо сказал Ленька. — Сказал речь — и уж каюк. От речей ему ничего не будет.

— Дурак! Какая речь. Иная речь целой армии стоит. Война кончилась, разверстка не нужна, с хлебом делай что хочешь, середняку и вера, и почет, и дружба, что же тебе еще надо? Антонов среднего мужика на продразверстку поймал, а теперь на что он его поймает? С кем ему выгодней дружить, как по-твоему, с рабочими или со Сторожевыми?

— Сторожев — тоже сила, — пробубнил Ленька.

— Верно, сила! — закричал Федька. — Да, ведь, против него три силы — рабочие, мужики, партия. Посчитай, что оно выходит!..

Но с Федькой Ленька виделся редко, разговаривал урывками и после этих разговоров еще больше хотелось видеть Наташу. В отдалении она казалась ему более умной, рассудительной и хорошей, чем была на самом деле.

Листрату говорить с братом было некогда. От вынужденного сидения отряд переходил к активным действиям; зона, на которую распространялось влияние коммунаров, расширялась, дел прибавлялось, Листрата трудно было увидеть в теплушке, куда он перенес свой штаб.

Листрат похудел от бессонных ночей, от разговоров с мужиками, которые все чаще и чаще являлись на станцию.

Мужики шли за правдой. Слова Ленина, переданные Василием Бочаровым, разнеслись по всей округе, волновали народ, будили надежды.

Мужики обычно приходили на станцию ночью и, переждав день, ночью же уходили.

Листрат с улыбочкой посматривал на них, крутил усы, подмигивал:

— Ай плохая жисть пошла, мужики? — посмеивался он. — Чего это вы ко мне пабегаете?

Мужики кряхтели, слова, приготовленные заранее, вдруг забывались, они начинали нести околесицу. Листрат сердился.

— Да что вы тут плетете? — кричал он порой. — Чего вам надо? Правды? Так бы и говорили!

Сам не зная многого, многое не точно представляя, он все же об'яснял все, что слышал и читал о решениях партийного с'езда, о новых декретах советской власти...

Народ уходил от Листрата озабоченным, пряча в шапках листовки. Листовки эти потом ходили по рукам, затирались, зачитывались до дыр и возвращали советской власти десятки и сотни обманутых антоновскими заправилами людей.

Однажды на станцию приплелся Андрей Антонович Козел.

Мрачный, постаревший, он ввалился к Листрату, когда тот что-то писал.

Листрат, увидев Андрея, засмеялся.

— Да это никак Козел в свой огород явился?

Андрей, не отвечая, стал искать в теплушке икону.

— Не ищи, брат. Чего нет, того нет.

— Нехристь! — буркнул Андрей и сплюнул. — Вот тебе бог-то припечатает...

— Бог! Бог нам не указ, мы его не боимся. Как там у вас насчет бога? Отменил его Антонов или обратно на свое место поставил?

— Насчет бога приказов не было, — деловито сказал Андрей.

— Стало быть, дуй кто во что горазд? Курить хочешь?

— Табак, Листрат Григорьевич, не курю, отвыкли. Свекольный лист курим. Для здоровья пользительней...

— Вон как! Это что же, Сторожев выдумал? — серьезно осведомился Листрат.

— И то.

— А ты все-таки покури настоящего. Держи кисет. Ну, зачем пожаловал? И ты за правдой приволокся?

— Я за винтовкой к тебе пожаловал. На старости лет воевать хочу за советскую власть. И Яшку в свой отряд прими.

— Не дам я тебе винтовку, Андрей Андреевич!

— О! Или не веришь?

— Верить-то я тебе почти верю, — серьезно сказал Листрат. — Верю и поэтому дам тебе не винтовку, а чего-то поболе. Яшку присылай. Яшку определю к Чирикину, пускай за землю воюет. А тебе в Двориках надо жить. Сторожев там еще?

— Намедни уехал. Все как сыч на колокольне сидел, высматривал. А намедни ускакал, и нет его. Болтал Андриян, — вроде совсем уехал, не вернется, мол, пока-что.

— Вот и ловко. Стало быть, тебе весь простор. Вали, Андрей Андреевич, в Дворики, помаленечку, полегонечку начинай советскую власть ставить. Вот тебе мое назначение. Выполнишь — совсем поверю.

— Вроде, стало быть, комиссаром я буду? — усмехнулся Андрей.

— Хватай выше: уполномоченный; из мужиков дружину мне подбирай. Чтобы, как нам вернуться, — у тебя целый взвод был. Будем антоновцев вылавливать.

Загудел телефон. Листрат взял трубку. Известие, которое ему передали, очень обрадовало его.

— Вот она какая штука, Андрей Андреевич! Сергей Иванович к нам едет. В Москве, говорит, был, на десятом с'езде. Ты вечерком заходи к нам, он рассказывать будет. А сейчас прости, — иду.

Листрат поспешно надел черный романовский полушубок с серой оторочкой, шапку-кубанку, подпоясался, перекинул через плечо маузер на ремне и ушел.

Андрей Андреевич хотел выйти следом за ним, но в дверях его встретил мрачный Ленька.

— Здорово, вояка! — закричал Андрей.— Ай да молодец! Молодец, мол, что тягу дал! Сторожев на тебя ой зол был!

Ты про Наталью ничего не слышал?

— Про Наталью?! Про какую же это?

— Про Баеву. Из Грязного.

— Ничего, миленок. Ничего не слыхал. А чего ей делается, — живет, пузо растит. Вот он тебя, бог-то, за это самое припечатает...

Ленька сел на ящик с патронами, закрыл лицо руками.

— А ты не горюй, парень. Я вот вернусь в Дворики да разведаю. Я тебе все донесу, как есть. Ты не того, не горюй...

Ленька не отвечал. Андрей постоял около него, надел шапку и вышел.

2

Прямо с фронта Сергей Иванович Сторожев попал на десятый партийный с'езд. Все, что он там увидел и услышал, потрясло матроса. Переход на новые рельсы еще более воодушевил его.

Куда бы Сергея Ивановича ни посылала партия, где бы он ни бывал, везде он дрался хорошо, добротно, спокойно. В войне он видел средство к достижению цели, военный коммунизм понимал, как необходимость, которая, оправдав себя, должна была уступить место другим порядкам.

То, чего не понимал до конца, раз'яснил ему Ленин, — он слышал его доклады и выступления.

Будучи связанным с деревней, он понимал, что линия партии на укрепление дружбы и союза рабочих и крестьян как нельзя более своевременна и поэтому гениальна.

Речь Сергея Ивановича с трибуны с'езда произвела большое впечатление. После заседания Ленин подозвал его к себе и начал расспрашивать о Двориках, о трагической истории семьи Сторожевых.

Ильич стоял перед матросом, заложив пальцы за жилет, раскачивался и смеялся, заражая смехом плотную толпу, окружившую его и Сергея Ивановича.

— Вот она, революция, — громко говорил Ленин. — Три брата — три судьбы! Каково! А? И в больших чинах ваш брат у Антонова?

— Командир полка.

— Стало быть, генералом? — вставил кто-то из толпы.

— А вы говорите — пустяки, — сердито сказал Ленин. — Хорошенькие пустяки! Я на-днях с крестьянами говорил — страшные вещи рассказывают!

— Там очень серьезное положение, — сказал Сергей Иванович.

— Конечно! Вот что, после с'езда вы езжайте на родину. И перед от'ездом зайдите ко мне.

Ленин пожал руку Сергею Ивановичу и пошел в президиум. Заседание возобновилось.

После с'езда Сергею Ивановичу не удалось сразу выехать на Тамбовщину. Вместе с другими делегатами с'езда он ходил на приступ Кронштадта, был ранен в последнем бою, пролежал полмесяца в больнице и лишь в начале апреля приехал в Тамбов. Получив назначение быть председателем Ревкома в районе Двориков, Сергей Иванович выехал на станцию, где сидел со своим коммунистическим отрядом Листрат.

Вечером он выступал на собрании коммунаров. Он был встречен восторженно. Здесь все знали его: многие, как Листрат, Чирикин, Никита Семенович, сражались с ним рядом против Деникина, работали вместе в Двориковском совете, знали его суровую непоколебимость, умную бесстрашность, сосредоточенность, сквозь которую порой прорывался огненный темперамент, присущий сторожевскому роду.

Его здесь звали, как и в семье, «матросом» (равно как и Листрата большинство звало «солдатом»).

Каждому хотелось быть поближе к Сергею Ивановичу, услышать новости, которые он привез от самого Ленина, из Москвы, где все знают, все видят.

Матрос стоял, окруженный своими земляками, высокий, как и все Сторожевы, плотный, даже несколько полный, меднолицый, многим похожий на старшего брата.

Он сдерживал свое волнение потому, что любил всех этих людей, сверстников и товарищей по борьбе.

Его растрогал прием, оказанный ему. Как ни был матрос скромен, любовь этих близких ему людей была приятна, глаза его затуманились, голос несколько раз срывался.

Рядом с ним стоял Андрей Андреевич и все приговаривал.

— Вот оно как! Вишь ты оно как! Вот так матрос. До самого аж Ленина дошел!

И именно Андрею Андреевичу больше всего обрадовался Сергей Иванович.

Андрей был живой выходец «с того света», он видел два дня назад брата Петра. И вот он перед ним.

Понять душу Андрея Адреевича, понять, что произошло с этим человеком, как из одного лагеря он пришел в другой, какие самые сокровенные мысли привели его сюда, — разгадать, узнать все это — разве не самое главное, не самое драгоценное, — думал матрос.

И глаза его, наполненные большой мыслью, останавливались на Андрее Андреевиче чаще, чем на других.

«Вот, — думалось ему, — этот крестьянин, о котором так много говорили на с'езде, о котором говорил Ленин, вот он — союзник».

Разглядывая обветренное, морщинистое лицо Андрея Андреевича, Сергей Иванович ловил себя на мысли о том, что он как-то по-новому ощущает крестьянство. Ему вспомнились слова Ленина о трагической судьбе трех братьев.

Раньше он как-то не думал об этом. Когда же Ленин сказал эту короткую, на всю жизнь запомнившуюся фразу, Сергей Иванович как-то посторонними глазами увидел себя и свою семью.

Отец — угрюмый, жадный человек, так и не накопивший богатства.

Брат Петр — прямой продолжатель дела своего отца, образцовый представитель своего класса, стяжатель, волевая натура, не признающая жалости или колебаний при осуществлении раз поставленной цели.

Брат Семен — сумрачный, непонятный человек, неведомо— за кого он, с кем он, какие у него думы, чего он хочет, какого удела? Может быть, и он в душе такой же, как и Петр.

И наконец он сам — Сергей Иванович Сторожев — непримиримый враг Петра и подобных ему, беспощадный к ним, убежденный в своей правде, в той, которую он не так давно слышал из уст Ленина.

В своей семье, как в капле воды, увидел матрос революцию, ее прошлое, настоящее и будущее, всю грандиозность совершающейся борьбы, все величие ее.

Непонятный, суровый, вечно на что-то обиженный брат Семен предстал перед Сергеем Ивановичем фигурой обобщенной. Слово «союзник» перестало быть абстрактным. Вот он, союзник Семен Иванович Сторожев. И в зависимости от того, чьим союзником он становится — брата Петра или брата Сергея, в зависимости от этого колеблется чаша весов революции.

И вот перед ним почти копия брата Семена — Андрей Андреевич! Какие глубочайшие противоречия заложены в этом человеке!

Вот, он, Андрей Андреевич, кажется — «наш», «свой». А он много месяцев шел за Антоновым. А сегодня он хочет итти с большевиками. Или брат Семен? Или вот тот же ямщик Никита Семенович — любитель церковного пения, приятель попа, а теперь — доброволец, разведчик, коммунар, все еще тоскующий по клиросу и «душевным» беседам с«батюшкой». Или вот Ленька, неизвестно почему убежавший от Антонова... Или Федька, мстящий за свои седые волосы... Все они — участники великого испытания духа и воли... Но разве не будет еще испытаний у революции? Разве не будет еще войн и борьбы, может быть, во сто крат более жестокой, сложной и страшной? Они пойдут за нами!

Все эти мысли вихрем неслись в голове матроса. Ему казалось, что только сейчас он по-настоящему заглянул в самые сокровенные тайны борьбы, увидел весь этот сгусток противоречий, сложнейшие ходы человеческих душ. Что лишь разобравшись в ленинских словах, он перешел ту полосу жизни, в которой все было наивно, по-ученически разграфлено, разложено на полочках социальных понятий и схем.

Взрослый — он как бы еще раз стал взрослым, но уже в ином содержании. Все, что раньше казалось простым, стало сложным. Стало уловимым то, что движет жизнь, что приближает человека к какому-либо классу или отделяет от него...

Разговаривая с коммунарами, рассказывая им о с'езде, Сергей Иванович все внимательнее и внимательнее вглядывался в окружающие лица.

Какое разнообразие дум, желаний, характеров, настроений! И все это надо об'единить во имя одного: во имя борьбы со злом мира, которое воплощено в образе брата Петра, во имя революции и ее победы, во имя будущего этих людей, будущего их поколений...

Ночью Сергей Иванович пришел в теплушку Листрата и там долго говорил с Андреем Андреевичем. Листрат присутствовал при их беседе.

Сергей Иванович спрашивал Андрея Андреевича, как казалось Листрату, о самых пустяковых делах, — о том, где мужики достают соль, спички, сколько посеяно было осенью ржи, сколько мельник берет за помол, работает ли просорушка... Об Антонове, антоновцах Сергей задал два-три вопроса, да и ответы на них выслушал както рассеянно.

Листрат не мог понять председателя ревкома. Почему он так долго возился с Андреем? Андрей пришел к коммунарам? Хорошо! Стало быть, понял, где правда. Ну и ладно! Дай ему задание, и пусть валит в село, что тут тары растабарывать.

«Это, конечно, хорошо, — союзник и так далее, — думал он, слушая беседу матроса с Андреем. — Союзник союзником, а присматривать за ними надо в оба глаза. И вообще — чорт их разберет! Вот Андрей Андреевич. Сам Листрат дал ему лошадь, можно сказать, поставил на ноги. А чем ему Андрей заплатил? Первым подписал протокол о присоединении к Антонову. В комитете антоновском работал, от красных отступал... А теперь почуял что-то и айда на станцию. Ох, жук! А тут с ними целую ночь говорят, спорят, выспрашивают, тонкости разные...

Но Листрат уважал Сергея Ивановича, знал весь его путь, верил ему и поэтому молчал.

Сергей Иванович отпустил Андрея Андреевича часа в два ночи, и, к удивлению Листрата, не дал ему никаких инструкций. Но когда Андрей прощался с Листратом, последний увидел, как преобразился этот человек, словно ему отвалили воз подарков.

— Вот они, какие дела, — задумчиво сказал Сергей Иванович. — Самые трудные времена, Листрат Григорьевич, только начинаются.

— А мы думали — конец им.

— Конец не скоро будет. Врагов у нас полно.

— Ничего, выдержим, — уверенно сказал Листрат.

Новая глава из романа «Одиночество», переработанное издание которого выходит в Гослитиздате.

Леонид РАХМАНОВ

«Беспокойная старость»

Отрывок из пьесы

(В передней звонок. **Мария Львовна** бежит открывать дверь.)

Голос Марии Львовны. Почему так скоро?

Бочаров (быстро входит).

Полежаев. Уже?

Бочаров (молча идет к дивану, садится рядом с Полежаевым).

Полежаев (болезненно). Я чувствую... Миша, с проектом что-нибудь?

Бочаров. Дмитрий Илларионович, не волнуйтесь.

Полежаев. С проектом?

Бочаров. С проектом сначала все обстояло великолепно.

Полежаев. Сначала? А потом?

Бочаров. Было великолепно встречено мое сообщение о нем, вызвало аплодисменты.

Полежаев (оживленно). Естественно, нужный же очень проект.

Бочаров. Положим, есть и еще причины, чтоб приняли хорошо.

Полежаев. Какие?

Бочаров (значительно). Проект — **полежаевский.**

Полежаев (кивает смущенно, кашляет). Ну, дальше, Миша?

Бочаров (мнется). А дальше, Дмитрий Илларионович, вот дальше полная неожиданность.

Полежаев (хватается за сердце). Я так и знал.

Мария Львовна. Миша, зачем? (Оба они кидаются к Полежаеву).

Полежаев. Ничего, говорите все, добивайте.

Бочаров. Не так страшно, Дмитрий Илларионович.

Полежаев. Значит, что-нибудь самое страшное...

Бочаров. Да нет, я пришел попрощаться.

Мария Львовна. Миша, опять!

Бочаров (сурово). Немцы нарушили перемирие. Их войска надвигаются на Петроград. Уже взяты Псков и Нарва. Мы должны ответить контрударом. Наши отряды выступают немедленно. Заседание Петросовета прервано. Все делегаты, способные носить оружие, идут на фронт.

Полежаев (болезненно сморщась). Все? А я?

Бочаров (с неожиданной доброй улыбкой поправляет за его спиной подушку и на секунду обнял его за плечи). Дмитрий Илларионович, дорогой.

Полежаев. А вы?

Бочаров. Конечно. Мой отряд пройдет через полчаса мимо вашего дома. С песней, чтобы проститься с вами.

Полежаев (жалобно). Через полчаса... проститься. Опять на фронт, опять у меня все к чорту, ни вас, ни проекта.

(Пауза).

Бочаров. Дмитрий Илларионович, не горюйте. Опять все будет хорошо.

Полежаев. Молчите. Не надо больше об этом. Положите сюда часы на столик. Чтобы я видел, сколько вы еще у меня.

(**Бочаров** кладет часы. Молчание. **Мария Львовна** уходит из комнаты).

Бочаров (увидев книгу на коленях Полежаева). Получили? Я вам послал только что, успел забежать в типографию.

Полежаев. Одно утешение мне! (Перелистывая и оживляясь). Великолепно же напечатано. Бумага приличная. Не скажу, как в Лейпциге, но... Сколько еще осталось минут? (Глядит на часы). Уже скоро. Поговорим спокойно. Миша, хорошо я сделал, что к научной книге приложил политическое предисловие?

Бочаров (хлопает себя по лбу). Болван! Забыл о главном. Настолько хорошо, Дмитрий Илларионович, что я, простите, не удержался и прежде чем нести вам этот первый экземпляр вашей книги, передал его... каюсь...

Полежаев (беспокойно). Кому, Миша?

Бочаров. Одному товарищу... Не догадываетесь?

Полежаев. Нет.

Бочаров. А ну?

Полежаев (понизив голос). Неужели Ленину?

Бочаров. Да.

(Пауза).

Полежаев. И он прочтет?

Бочаров. Обязательно.

Полежаев. И скоро?

Бочаров (смеется). Вот уж это не знаю, Дмитрий Илларионович. Думаю, что если вчера я отдал...

Полежаев. Молчите, молчите, потом вы мне все расскажете. (Глядит на часы). Только когда же потом? Десять минут осталось. (Волнуясь). А вы не знаете, какие ему слова могут понравиться в моем предисловии? (Поспешно роется в книге). Нет? (Читает). «Революция должна положить предел безудержной оргии капитализма, милитаризма и клерикализма, полагающих, что их дружными усилиями возможно дать попятный ход истории человечества». (Сокрушенно). Нет, не эти, уж слишком здесь «измов» много. А здесь? (Разочарованно). Нет, что это, слишком сухо, это не может ему понравиться.

Мария Львовна. А самый конец. Я ведь помню, он всего лучше.

Полежаев. Что значит лучше?

Мария Львовна. Я знаю, я же переписывала.

Полежаев (читает). «Только наука и демократия, знание и труд, вступив в свободный, основанный на взаимном понимании тесный союз, осененные общим красным знаменем, символом мира всего мира, все превозмогут, все пересоздадут на благо всего человечества». (Пауза). Пожалуй, это. Более или менее.

Бочаров (серьезно). Очень хорошие слова. Дмитрий Илларионович.

Мария Львовна. Я знаю, что говорю.

Бочаров (прислушивается).

Полежаев (беспокойно смотрит на часы). Что вы, Миша?

Бочаров. Идет отряд.

Полежаев (жалобно). Не может быть. Я не слышу. (Все трое слушают. На улице дальнее пение революционной песни).

Бочаров. Идут. (Встает).

Полежаев (приподнимается на диване). Миша!

Бочаров. Лежите, Дмитрий Илларионович, лежите, пожалуйста.

Полежаев. Значит, опять все сначала, Миша, опять все теряю. Проекту моему не время. Ох, худо мне без вас будет.

Бочаров. Ничего, Дмитрий Илларионович. Не надолго.

Полежаев. Все равно. Неизвестно, сколько я проживу.

Мария Львовна и Бочаров (вместе). Дима. Дмитрий Илларионович!

Полежаев. Не бойтесь, не буду плакаться. Привык. Давайте прощаться. (Прислушивается. Пение приближается).

(Звонок.)

Куприянов. Товарищ профессор! Выступающий на фронт отряд революционных моряков пришел с вами проститься.

Полежаев (молча вскакивает с дивана).

Мария Львовна. Дима!

Бочаров. Дмитрий Илларионович!

Куприянов. Товарищ профессор!

Полежаев (запахиваясь в халат, со сверкающими глазами). К чорту! Помогайте мне, это все к чорту! (Сдирает с окна портьеру, роняет горшки с цветами, вскакивает на стул, обдирает вьющуюся вдоль окна зелень).

Мария Львовна (испуганно). Что ты делаешь, Дима?

Полежаев (кричит). Неужели вы не понимаете? Помогите мне выставить это окно.

Мария Львовна. Окно? Зимой?

Полежаев (обрывая бумагу, которой заклеена щель). Какая зима? На носу март, весна. Выставляйте!

(Окно открыто. Сразу врывается усиливающееся во много раз пение, ветер. **Полежаев** ринулся к окну. Его увидели с улицы, и пение стихло.)

Бочаров (поддерживает его). Осторожнее, Дмитрий Илларионович, этак вы вывалитесь.

Полежаев (обернувшись к нему). Миша, вы сначала. Я хочу им сказать...

Бочаров. Хорошо. (Становится рядом с Дмитрием Илларионовичем). Товарищи, профессор Дмитрий Илларионович Полежаев, знаменитый мировой ученый, избранный вами в Петросовет, хочет сказать вам несколько слов. (Гремит «ура».)

Бочаров (когда «ура» стихло). Профессор нездоров, и много мы ему говорить не позволим.

Полежаев (отстраняя его). Красногвардейцы и революционные моряки! (Опять «ура».) Вы идете на фронт бить врага, коварно нарушившего перемирие и вступившего на поля нашей родины. Я уже стар, мне, пожалуй, не удержать винтовки, но мысленно я с вами, мои товарищи. Ничего, что я сижу в кабинете. Пока перо не вывалилось из пальцев, пока глаза различают буквы, я буду по-своему защищать революцию от врагов. Я буду топтать их ножками моего письменного стола... (Смех, аплодисменты на улице.) А вы кончайте с врагом на фронте, скорей возвращайтесь в Питер для общего мирного социалистического труда. До свидания, красные воины. А ведь красный цвет непобедим. Помните, я говорил вам на лекции... это не только цвет крови, это — цвет созидания. Это — единственный животворящий цвет природы, наполняющий жизнью побеги растений, согревающий все. До свиданья! (Он закашливается, его оттаскивают Бочаров и Мария Львовна. Громовое «ура» на улице покрывает его кашель. Его усаживают на диван, но он снова встает, и они обнимаются с Бочаровым.)

Полежаев (борясь с кашлем). Голубчик, увидимся ли мы хоть еще раз?

Бочаров. Непременно, Дмитрий Илларионович!

Полежаев. А вы там скорее. (Шутя берет Бочарова за горло). Вот так берите врага. Это и в ваших и в моих интересах. Так уж вы, пожалуйста, приналягте. Ну, прощайте, голубчик.

Н. ЗАБОЛОЦКИЙ

Взятие Кадж‌ети

Царь Фридон сказал героям: — Вот, друзья, мое решенье:
Если мы пойдем на приступ, будет страшное сраженье.
Обрекать себя на гибель было б слишком безрассудно,
Тут хоть сотню лет сражайся, взять ворота будет трудно.

С детства силу развивая, был я славным акробатом,
Перепрыгивал канавы, ловко бегал по канатам.
Кто из вас на выступ башни мой аркан закинуть может?
Пролетев над головами, он врагов не потревожит.

По натянутой веревке мне пройти — пустое дело.
Лишь миную я ворота, спрыгну на землю умело.
Налетев, подобно вихрю, перебью врагов без счета,
Проложу мечом дорогу и открою вам ворота.

Автандил сказал Фридону: — Ты, Фридон, известный воин,
Силой рук ты льву подобен и похвал иных достоин.
Хороши твои советы и заслуги боевые,
Но взгляни, как близко к башне ходят эти часовые.

Слыша звяканье оружья и кольчуги легкий скрежет,
Стража вмит тебя заметит и веревку перережет.
Дело плохо обернется и погибнешь ты напрасно.
Принимать совет твой нынче безрассудно и опасно.

Если здесь плоха надежда на военные успехи,
Под купеческим кафтаном лучше скрою я доспехи.
Погоняя веткой мула, нагруженного поклажей,
Я пройду через ворота и пропущен буду стражей.

В это время вам с отрядом нужно в поле притаиться.
Если в городе со мною ничего не приключится,
Перебью я эту стражу и ворота вам открою,
Вы появитесь внезапно и ворветесь вслед за мною.

Тариэл сказал: — Я знаю, вы готовы драться смело.
Одного меня оставить вы желаете без дела.
Нет, друзья! Царевна с башни всех увидит нас в бою.
Если я не буду биться, потеряю честь свою.
Мой совет вернее ваших: на три малые отряда,
По сто всадников на каждый, нам разбиться нынче надо.
Лишь заря займется в небе, к трем воротам с трех концов
Подлетим мы и с собою приведем своих бойцов.

Увидав, что нас немного, каджи бросятся навстречу,
От ворот мы их отрежем и затеем с ними сечу.
Кто успеет, тот в ворота пусть прорвется на коне, —
Там пускай он погуляет и потешится вдвойне.

Царь Фридон сказал с улыбкой: — Понял, я, что это значит,—
Конь его подарен мною, он быстрее всех доскачет.
Знай об этом я пораньше, никогда б я не сглупил
И коня тебе такого, милый друг, не подарил.

Посмеявшись над Фридоном, братья так и порешили
И отряд бойцов могучих на три части разделили.
Уж светлело на востоке. Приближался лютый бой.
Приближалось исполненье изреченного судьбой.

Видел этих я героев, видел я сраженье это.
Семь планет их покрывали в эту ночь столпами света.
Тариэл, подобный солнцу, на коне сидел могучем
И твердыню пожирал он взором пламенным и жгучим.

Этих витязей отважных с горным я сравню потоком.
Низвергаясь с гор высоких, мчит в ущельи он глубоком,
И ревет, и тяжко воет, наконец, впадая в море,
Успокоенный, смолкает и несется на просторе.

Автандил был воин грозный, и Фридон был крепок телом,
Но никто из них сразиться не желал бы с Тариэлом.
Рассвело. Планеты скрылись и померкнули Плеяды.
Тариэл с двумя друзьями тихо вышли из засады.

Словно путники простые, шли они неторопливо.
Стража их не испугалась и ждала их терпеливо.
Но, проехав полдороги, братья гикнули и вдруг
Словно вихрь полетели, и за каждым — сотня слуг!

Крепость вздрогнула от крика. На дорогу пали трупы.
Барабан вверху ударил. На стене завыли трубы.
Но друзья, надвинув шлемы, путь расчистили. И вот
Беспощадный и кровавый грянул бой у трех ворот!

И тогда постиг Каджети божий гнев неизмеримый,
Злобный Кронос, глядя с неба, проклял город нелюбимый,
Опрокинул он на землю колесо небесных сводов
И повергнутые трупы пали грудами у входов.

Мощный голос Тариэла заставлял терять сознанье.
Витязь рвал мечем кольчуги, рушил латы, одеянья.
Осажденные ворота стража бросила с испугом.
Братья в город устремились и ворвались друг за другом.

Лев Фридон, залитый кровью, скоро встретил Автандила.
Братья обняли друг друга, радость их преобразила.
Враг бежал куда попало, оставляя груды тел...
Но никто из них не видел, где сражался Тариэл.

С криком гнева и печали братья бросились к воротам,
Но в живых от целой стражи не осталось никого там.
Смотрят братья: смерть повсюду, кровь рекой, и стон, и ад,
И разбитые ворота, с петель сорваны, лежат.

Десять тысяч лучших стражей пало здесь. И стало ясно,
Что могучий их товарищ здесь рубился не напрасно.
Братья к башне устремились, где зиял подземный ход,
И, готовые к сраженью, смело бросились вперед.

Поднялись они и видят: возвышаясь над толпою,
Тариэл стоит на башне с обнаженной головою.
И разлука, и скитанья — все осталось позади,
И прекрасная царевна на его лежит груди.
Солнце так встречает розу, так Муштари справедливый
И Зуал — звезда печали, — заключив союз счастливый,
Благодатными лучами заливают небосвод...
Только тот узнает счастье, кто печаль перенесет.

Так закончилось сраженье в честь героя Тариэла.
Из бойцов его лишь только половина уцелела, —
Остальные пали в битве на развалинах Каджети,
И Фридон заплакал горько, услыхав известья эти.

С башни витязи спустились и в последней жаркой схватке
Захватив богатства каджей, перебили их остатки,
И навьючили добычу на три тысячи верблюдов —
Горы яхонтов граненых и корзины изумрудов.

Шестьдесят оставив стражей в завоеванной твердыне,
Повезли они царевну в драгоценном паланкине.
Путь лежал их прямо к морю, в славный град царя морского,
Чтобы с Фатьмою проститься и домой вернуться снова.

Глава из переведенной и переработанной автором для юношества поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

НАВСТРЕЧУ 20-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Создадим хорошую советскую песню

Самый боевой жанр

Вопрос о массовой песне ставится на повестку дня не в первый раз. Но, к сожалению, дело обычно не идет дальше деклараций и взаимных реверансов или упреков между поэтами и композиторами.

Для того, чтобы вопрос о песне сдвинулся с мертвой точки, нужно, во-первых, перевести разговоры на конкретную почву, т. е. подвергнуть, наконец, имеющийся песенный репертуар серьезному музыкальному и поэтическому разбору и из успеха или неуспеха тех или иных песен сделать практически-полезные выводы.

Во-вторых, товарищам, работающим в области песни, нужно понять, что даже самые удачные песенные находки не определяют столбовой дороги. Неудачи многих последователей Дунаевского говорят об этом достаточно красноречиво. Дунаевский силен тем, что он последовательно идет своим, ему свойственным путем, но это отнюдь не значит, что этот путь одинаково хорош для всех.

Третье, это — не преувеличивать значения пресловутого содружества поэта и композитора в коллективной работе над песней. Настоящий полнокровный художественный текст всегда вызовет творческие реакции со стороны композитора. Вот только песенных стихов товарищи поэты пишут очень мало.

Почему, например, повелось писать для песни стихи, в ритмическом отношении очень примитивные и потому не подсказывающие композитору ничего интересного? Куда девается в этих случаях ритмическая изобретательность поэтов?

В-четвертых, нужно поставить как следует дело пропаганды новых песен. Для удачных песен, которым не посчастливилось зазвучать с экрана в художественных фильмах, нужно найти другие способы столь же эффективной пропаганды. В частности, союз композиторов поднимал уже однажды перед ГУК вопрос о выпуске музыкального киножурнала, который бы знакомил советского зрителя и слушателя с новинками советской массовой музыки. К сожалению, идея эта практически не осуществлена.

Целый ряд композиторов, много и успешно работающих в последнее время над крупными музыкальными формами, предали массовый музыкальный жанр недопустимому забвению. Между тем, именно этот жанр ни на минуту не должен выходить из поля нашего зрения, ибо он самый боевой, самый действенный.

Надеюсь, что совместными усилиями наших писательских и композиторских сил мы сумеем поднять дело создания массовой песни на должную высоту и дать нашему героическому советскому народу, нашей нестареющей молодежи и молодеющим старикам песни, достойные нашей великой эпохи.

Н. ЧЕМБЕРДЖИ

Мы хотим новых, бодрых песен

Государственный хор СССР посвящает 20-й годовщине Великой социалистической революции три больших работы.

Первая из них — «Героическая оратория» композитора М. А. Юдина на текст Лихарева, уже исполнявшаяся 1 октября в Большом зале Государственной Консерватории.

Сейчас хор работает над двумя кантатами; первая — композитора С. Василенко на текст В. Лебедева-Кумача и вторая — композитора А. Гедике на слова А. Суркова.

В процессе кропотливой и напряженной работы по подготовке нового репертуара нам приходится встречаться с некоторыми трудностями в выборе необходимого нам вокального материала.

Большинство любимых народом советских массовых песен написано для одного-двух голосов. Это делает их неудобными для хорового, концертного исполнения. В связи с колоссальным ростом хорового самодеятельного искусства все сильнее ощущается необходимость в создании более сложных вокальных произведений. Лучшие песни нашей страны должны быть обработаны для смешанного хора.

Мы хотим новых бодрых песен о родине, о любимых вождях, о нашей непобедимой Красной Армии, о наших летчиках, о верных стражах нашей страны героях-пограничниках.

Художественный руководитель Государственного хора Союза ССР
проф. Н. М. ДАНИЛИН

За творческое общение

Самым ценным в выступлении Демьяна Бедного о песне я считаю его указание на необходимость расширения песенных жанров. За последнее время наметилась тенденция к стандартизации нескольких жанров (лирической, лирико-героической песни), что, конечно, «облегчает» работу композиторов и поэтов, но никак не способствует развитию всех богатейших возможностей песни в нашей стране. Не совсем благополучно обстоит дело и со стилем большого количества песен наших композиторов. В стремлении сочинить доходчивую песню, некоторые композиторы идут на сознательное упрощение песенных приемов, выпуская в свет примитивные песенные суррогаты, стоящие бесконечно ниже подлинных народных песен. Многие композиторы плохо знают народную песню и часто недооценивают своеобразную сложность и богатство ее содержания. Существует также и недооценка культурно-музыкального уровня массы, неслыханно выросшего за 20 лет Великой Пролетарской революции.

Работа композиторов над песней сильно тормозится отсутствием достаточного количества хороших песенных текстов. Поэтам, на чьи тексты написана музыка, ставшая широко популярной, следовало бы задуматься над тем, что в большинстве случаев запоминается лишь одна-две строфы текста. Между тем, в исполнении народных песен слово и музыка нераздельны, текст песни воспринимается как органическое целое: «из песни слова не выкинешь». Вот этой органичности нехватает многим текстам даже очень популярных песен.

Много говорилось о совместной работе поэтов и композиторов над песней. Однако лишь несколько авторов осуществили это на деле. Как правило, песня создается от случая к случаю, когда композитору попадается более или менее удовлетворяющий его требованиям текст. Необходимо для начала организовывать регулярные (1 раз в месяц) творческие совещания композиторов и поэтов с обязательным прослушиванием новых текстов и новых песен. Это творческое общение должно стать потребностью для авторов, в настоящее время разобщенных и проявляющих мало интереса к работе друг друга.

Организацией этого следует заняться союзу советских композиторов и секции поэтов ССП. До сих пор все подобные намерения не осуществлялись.

Общественное внимание к работе композиторов и поэтов над песней может быть привлечено установлением ежегодной традиционной премии за лучшую песню, вошедшую в быт.

Желательно, чтобы песни — кандидаты на премию—выставлялись при широком участии общественности. Очень жаль, что конкурс на массовую песню, об'явленный союзом композиторов, ССП и Музгизом, затягивается до 1 ноября. Это значит, что новые песни, написанные к двадцатой годовщине Октября, не будут петься в дни великого праздника.

В. БЕЛЫЙ

Казачья

То не ветром травушка в чистом поле
клонится,
То не туча черная по небу плывет —
Это поднялася боевая конница,
Вольница казачья собралась в поход...

Стонет даль широкая под коней копытами,
Птицы поднялися в дали голубой:
С меткими винтовками да с конями сытыми
За страну советскую мы готовы в бой!..

Не заплачет девушка, провожая милого,
Выйдя за околицу, там, где мак цветет,
Если по приказу Клима Ворошилова
Конница казачья двинется в поход.

Крепко слово Сталина нам в сердца запало,
Как зеницу ока мы его храним:
Нам не нужно вражьего ни кусочка малого,
Но своей земли — вершка не отдадим!

Девиз: «ТОВАРИЩ ПЕСНЯ».

Песня о серебряной роте

(Сибирская партизанская)

Из дальнего похода
Идет сквозь злой буран
Серебряная рота *
Сибирских партизан.

Их бороды седые —
Как белые снега.
Кругом хребты крутые,
Кругом шумит тайга.

В сугробах тонут лыжи.
Все тропы замело.
Но с каждым шагом ближе
Тасеево село.

Проходят партизаны,
Знамена впереди,
Запекшиеся раны —
Как орден на груди.

Идут и вспоминают
Товарищей своих,
И песню запевают
Про славные бои.

«Ты, наша песня, взвейся,
Как сокол, высоко!
Лежат белогвардейцы
У сопок далеко.

Легли от наших сабель
Среди своих волчат
Красильников, и Каппель,
И адмирал Колчак!»

Из дальнего похода
Идет сквозь злой буран
Серебряная рота
Сибирских партизан.

* Серебряная рота — рота стариков в партизанских отрядах Сибири.

Девиз: «СЛАВА СТАЛИНУ»

Наша родина

Просторам земли нет предела.
И звезд над землею не счесть.
Есть люди крылатого дела,
И люди бескрылые есть.

Есть юноши, старцы и дети, —
Любая в морях глубина.
Есть разные страны на свете,
А родина — только одна.

Мы все океаны проплыли,
Прошли все извилины рек,
Но там, где росли и любили,
Останется сердце навек.

Там в каждой счастливой примете
Веселая юность слышна.
Есть разные страны на свете,
А родина — только одна.

Она из гранита и стали.
Мы с ней не отступим в боях.
И тех, кто ее продавали,
Сурово развеем мы в прах.

Всем людям земли на рассвете
Кремлевская башня видна.
Есть разные страны на свете.
Такая, как наша, — одна.

Девиз: «БЕЗУМСТВУ ХРАБРЫХ»

«Битва Тариэля» — иллюстрация художника Кобуладзе к юбилейному изданию Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре»

Перед юбилеем Руставели

С одиннадцатого по тридцатое декабря грузинский народ будет праздновать 750-летие со дня рождения своего национального поэта Шота Руставели, гениального автора всемирно известной поэмы «Витязь в тигровой шкуре».

Подготовка к юбилею ведется в Грузии на всех участках культурного фронта — в Академии наук, в писательских организациях, в издательствах, музеях, в вузах и школах, на фабриках, в красноармейских частях, в колхозах.

Возглавляется она Всегрузинским правительственным юбилейным комитетом.

Союз писателей Грузии, с санкции юбилейного комитета, возбудил ходатайство перед ССП СССР о том, чтобы всесоюзный пленум писателей, посвященный Шота Руставели, был организован в столице Грузии — Тбилиси.

ССП Грузии направил в колхозы историков литературы, прозаиков и поэтов с докладами о великом поэте.

К юбилейным дням в Тбилиси откроется выставка, посвященная Руставели и его эпохе.

До двадцати древнейших рукописей бессмертной поэмы, книжные издания, документы о борьбе духовенства против поэта и его творения, богатейшие фольклорные материалы, произведения современников Руставели и пр. и пр. собраны в литературном отделе выставки.

В отделе искусств будут представлены старинная живопись, архитектура и скульптура Грузии.

Экономике и быту Грузии эпохи Руставели отведен самый обширный отдел выставки. Здесь будут экспонированы образцы оружия, одежды, посуды, множество вещей домашнего обихода, монеты и другие предметы, найденные при недавних раскопках древнейшего грузинского города Дманиси.

Об'явлены конкурсы — на лучшее музыкальное произведение, связанное с именем гениального поэта, а также на драматургическое и кинематографическое произведение на тему бессмертной поэмы.

*

Деятельная подготовка к юбилею Руставели ведется в Азербайджане.

Создан правительственный юбилейный комитет.

Готовится большая выставка, посвященная жизни и творчеству Руставели.

Особым постановлением в программы средних школ и литературного факультета АПИ введено изучение творчества национального грузинского поэта.

Азербайджанские художники и ковроткачи посвящают свои работы величайшему поэту.

*

Юбилейные издания поэмы «Вепхис ткаосани» выходят чуть ли не на всех языках нашей многонациональной страны. В издательствах всех 11 союзных республик будут выпущены полностью и в отрывках переводы бессмертной поэмы.

На грузинском языке выйдет новое академическое иллюстрированное издание поэмы — по тексту, отредактированному специальной комиссией Института им. Руставели. Этот же текст будет издан массовым тиражом. «Витязь в тигровой шкуре» выпускается также на французском и английском языках, а отдельные отрывки поэмы — на осетинском и абхазском языках.

На русском языке в Гослитиздате будет выпущено издание бессмертной поэмы в переводе Г. Цагарели с иллюстрациями Т. Абакелия. Перевод поэмы П. Петренко с иллюстрациями С. Кобуладзе выпускает издательство Академии наук СССР. Для юношества поэма Руставели переведена поэтом Н. Заболоцким.

На украинском языке поэма Руставели печатается в переводе М. Бажана.

«Витязь в тигровой шкуре» издается и в Армении.

Отрывки из поэмы будут выпущены на узбекском, еврейском, абхазском и других языках народов СССР.

*

Кроме изданий самой поэмы выйдет немало сборников, посвященных Шота Руставели.

Один из таких сборников выпускает Институт им. Руставели. Другой сборник будет выпущен союзом советских писателей Грузии. Печатается также популярная монография о Руставели.

Сборники литературных материалов, посвященных Руставели, выходят на русском языке в Гослитиздате, в «Советском писателе», в Жургазоб'единении и др.

Памяти великого грузинского поэта посвятил свою «Поэму о Руставели» поэт А. Чачиков. В поэме использованы народные предания о Руставели — «великом сердце Грузии». В ней двенадцать глав, около тысячи строк.

Русские фурьеристы

К столетию со дня смерти Ш. Фурье

30—40-е годы XIX века были временем широкого разлива в русском обществе идей французского утопического социализма. «Мы заражены были идеями тогдашнего теоретического социализма... Все эти тогдашние новые идеи нам в Петербурге ужасно нравились, казались в высшей степени светлыми и нравственными и, главное, общечеловеческими, будущим законом всего без исключения человечества. Мы еще задолго до Парижской революции 1848 года были охвачены обаятельным влиянием этих идей», — вспоминал Ф. М. Достоевский годы своей молодости.

«Из Франции Сен-Симона, Кабе, Фурье, Л. Блана и особенно Жорж-Занд, — писал М. Е. Салтыков в очерках «За рубежом» (1880—1881), — лилась в нас вера в человечество, откуда воссияла нам уверенность, что «золотой век» находится не позади, а впереди нас...»

...Мы — дети декабристов,
И мира нового ученики,
Ученики Фурье и Сен-Симона, —
Мы поклялись, что посвятим всю жизнь
Народу и его освобожденью,
Основою положим социализм...

— вспоминал Н. П. Огарев свои восторженные юношеские беседы с Герценом и Вадимом Пассеком.

Среди увлекавшихся доктринами социализма заметно выделялась, после кружка сен-симонистов 30-х годов, группа фурьеристов, собиравшаяся с 1845 года на пятницах у чиновника министерства иностранных дел Буташевича-Петрашевского, а с осени 1848 г. — в кружках поэтов Плещеева и Дурова, на собраниях Н. А. Спешнева. Пестрая по составу группа «петрашевцев» — в нее входили чиновники и неслужащие дворяне, гвардейские офицеры и мещане, студенты, учителя — включала значительное число литераторов: братья Достоевские, беллетрист Пальм, названные выше поэты Плещеев и Дуров, Аполлон Майков, Салтыков.

Ненависть к абсолютизму и крепостному праву об'единяла всех петрашевцев. Рост крестьянских восстаний в стране питал жажду перемен, обновления, толкал к резкому недовольству господствовавшим строем. Яркая критика социальных порядков современной буржуазной цивилизации, пленительные картины будущего счастья, гуманический идеализм с призывами к состраданию и протест против эксплоатации человека человеком в книгах Фурье, его ученика Консидерана, в органе фурьеристов «Фаланга» настраивали возбуждающе против диких проявлений произвола и насилия в рабской жизни феодальной России.

«Социалисты фурьеристского толку», как называл себя и своих единомышленников Петрашевский, признавали «настоящее устройство быта общественного несоответствующим естественным потребностям человека и потому требующим преобразования совершенно согласно требованиям природы человеческой и желающим, вместо настоящего противоестественного устройства, быта общественного».

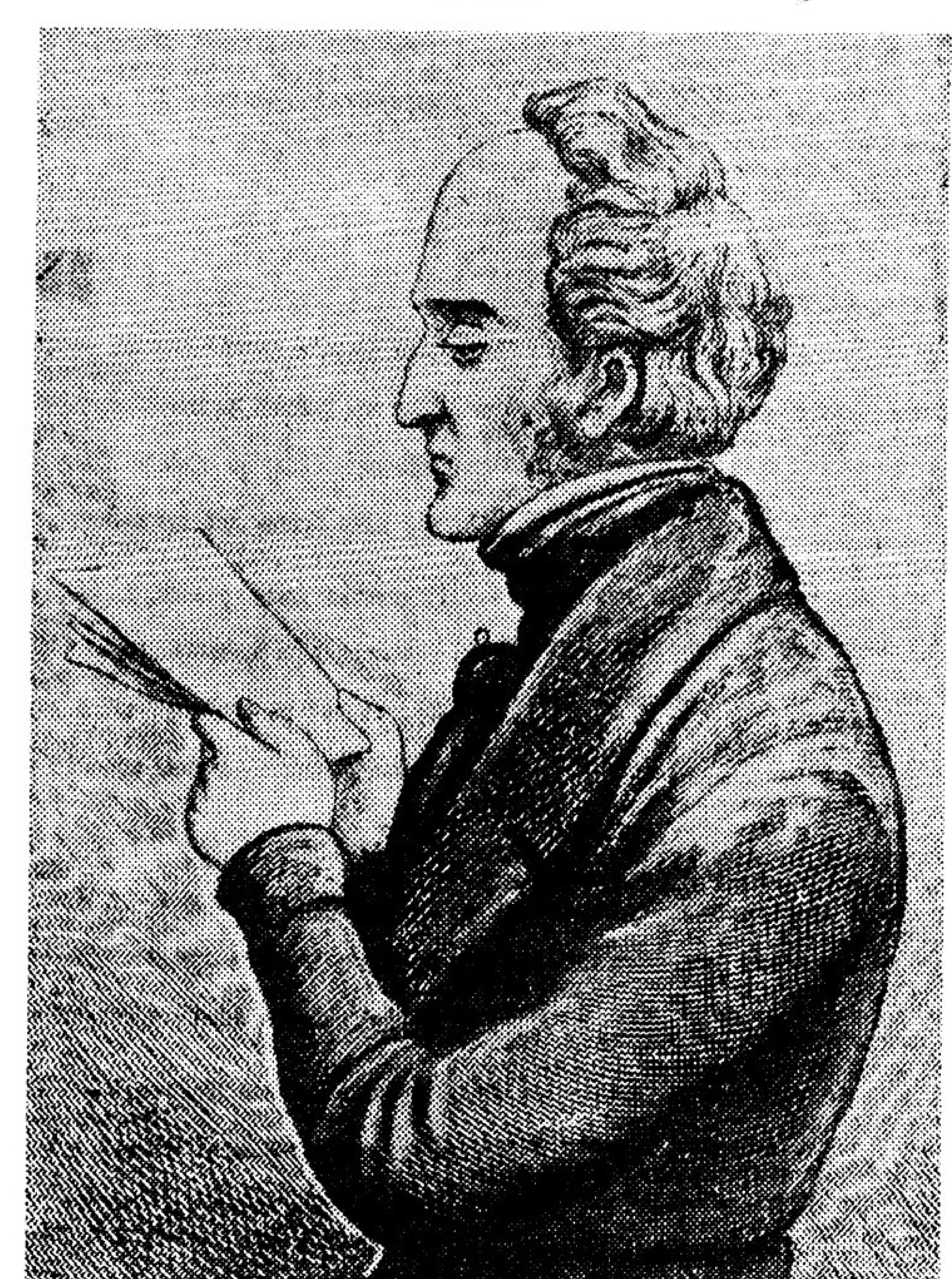
Революционная борьба во Франции, Германии 1848 года казалась членам кружка петрашевцев началом конца старой культуры.

Одним из главных вдохновителей в борьбе угнетенных масс с угнетателями петрашевцы считали Шарля Фурье. «Великий учитель», «гений из гениев» в их оценках, Фурье производил своими сочинениями целый переворот в сознании русской интеллигенции 40-х годов.

«Прочесть его (Фурье) критический разбор жизни общественной, указания ее несообразностей даже для человека без предрассудков, с хорошим философским образованием, — все равно, что заново родиться... Когда я в первый раз прочитал его сочинения, — говорил Петрашевский,— я как бы заново родился, благоговел перед величием его гения. Будь я не христианин, а язычник, я бы разбил всех моих других богов — сделал бы его единственным божеством».

Петрашевский на своих пятницах излагал «основные начала системы Фурье», убежденный в правоте его воззрений на природу человека, семью, брак, на организацию людей в фаланстере на почве совместной работы представителей труда, таланта и капитала.

Несколько вечеров читал доклады о Фурье окончивший университет Н. Я. Данилевский. Баласогло говорил о семейном счастье в духе Фурье, другие петрашевцы также осмысляли свои построения общественной реорганизации по Фурье и его школе. Налет действенной мечтательности, экзальтации проступал на облике петрашевцев, думавших в то же время, что их идейный учитель тем и велик, что «первый

1772 г. Шарль Фурье 1837 г.

обратил внимание на существенное, т. е. материальное, и предложил средство к осуществлению, тогда как философы ограничивались только метафизическими бредниями» (по словам Тимковского, в изложении проф. Ламанского).

Речи участников обеда в честь Фурье 7 апреля 1849 г. рисуют характерную фигуру молодого человека той эпохи — восторженного идеалиста, жаждущего разрушения ненавистного строя, готового погибнуть во имя грядущего мира, где воцарятся гармоническая личность, радостный и привлекательный труд, всеобщее счастье. Студент Ханыков закончил свою речь словами горячей веры в близкое торжество учения Фурье: «преображение близко!».

Д. Д. Ахшарумов говорил: «Жизнь, как она теперь, — тяжела, гадка; мы все несчастны; и можно ли быть счастливым в этом обществе, в котором мы живем?... ...Уже тот факт, что мы сознаем недостатки, ошибки в устройстве нашей жизни, и уже представляется нам в общих чертах новая жизнь, — этот самый факт доказывает, что началось время его разрушения. И рухнет и развалится все это дряхлое, громадное вековое здание, и многих задавит оно при разрушении и из нас, но жизнь оживет, и люди будут жить богато, раздольно и весело»...

Ту же веру в скорое превращение «земли несчастной, мира стонов, жалоб и мученья» в другую жизнь, где «будут мир, счастье и свобода», Ахшарумов воплотил в своем тюремном стихотворении, нацарапанном гвоздем на стене камеры — «Будущее земли и ее обитателей (по Фурье)»:

Но время лучшее придет:
Война кровавая пройдет,
Земля произрастет плодами,
И бедный мученик — народ
Свободу жизни обретет
С ее высокими страстями,
Обильный хлеб взрастет над взрытыми полями,
И нищая земля покроется дворцами!..

Мечта о прекрасном будущем, готовность к борьбе за него насыщают лирику А. Н. Плещеева, в 1846 году в первом сборнике своих стихов обратившегося к читателям с знаменитым призывом:

Вперед, без страха и сомненья,
На подвиг доблестный, друзья!

Арестованные в ночь с 22 на 23 апреля 1849 года, пережив на плацу страшные мгновения во время инсценировки казни расстрелянием, петрашевцы не раскаивались в том, во что поверили, рассматривали постигшую их кару как доказательство их правого дела, неугодного их врагам. Автор «Дневника писателя» в 1873 году, вспоминая эпизоды, связанные с арестом, тюремным заключением, стоянием на эшафоте и пр., писал о своих настроениях и от имени осужденных царской властью: «То дело, за которое нас осудили, те понятия, которые владели нашим духом, представлялись нам не только не требующими раскаяния, но даже чем-то нас очищающим, мученичеством, за которое многое нам простится! И так продолжалось долго!»

Последователи Фурье, русские фурьеристы не во всем соглашались с автором «Нового промышленного и сосьетарного мира»; его аполитичность отвергалась ими. Требование коренных изменений в политическом строе выдвигалось ими первоочередной задачей. На собраниях они дебатировали вопрос о форме государственного управления, одни защищали конституционную монархию, другие стояли за республику, считали желательным в России федеративное устройство. Судебная реформа, административная реформа и пр. горячо обсуждались петрашевцами. Современная им действительность подвергалась всестороннему осуждению. Социальные противоречия феодально-крепостнического режима, разлагавшегося под напором крестьянских волнений и роста капитализма, остро волновали петрашевцев.

Положение закрепощенного крестьянства привлекало особенное внимание в кружке петрашевцев. Момбелли заявлял, что «холодный трепет пробегал по жилам при одном воспоминании о кусочке хлеба, которым питались крестьяне Витебской губернии: «Мука вовсе не вошла в его состав»; это был по виду «высушенный конский навоз, сильно перемешанный с солодом... Желал бы (я) чадолюбивого императора в продолжение нескольких недель посадить на пищу витебских крестьян. Как странно устроен свет: один мерзкий человек, и сколько зла он может сделать, и по какому праву?»...

На собраниях петрашевцев читались пушкинская «Деревня» и письмо Белинского к Гоголю, замечательные агитационные документы против «барства дикого». Глава русских фурьеристов Петрашевский защищал освобождение крестьян с землей и без вознаграждения помещиков.

Петрашевцы сознавали, как Д. Д. Ахшарумов, что «все зависит от народа, без него мы не подвинемся, не уйдем вперед; нам надо короче узнать наш народ и сблизиться с ним», но страх перед революцией «черни» парализовал попытки сближения с крепостной деревней, а опыт приложения фурьеристского фаланстера к быту своих крестьян, сделанный, по свидетельству Р. Зотова, Буташевичем-Петрашевским, кончился плачевно, как и следовало ожидать.

Необходимо указать, что русские фурьеристы в своей критике и в положительных утверждениях питались идейным наследством не только французского мыслителя-утописта: просветители XVIII века Вольтер и Гельвеций; английский социалист Р. Оуэн; немецкий теоретик домарксова материализма Людвиг Фейербах; Штраус — автор «Жизни Иисуса Христа»; «Нищета философии» К. Маркса заряжали их разносторонними возбуждениями.

«Заговор идей» не ограничивался, как мы видели, кабинетными беседами. «Если история делает людей, то люди делают историю», — заявлял Петрашевский. Русские фурьеристы 40-х годов вложили в общественное сознание своих современников немало идей, заставляющих задумываться над личной и общественной жизнью.

К числу писателей, чьи произведения в 40-х годах были окрашены «социализмом фурьеристского толку» и образно показывали трагедию и противоречия собственнической культуры, относится Салтыков. Великий сатирик признавался, что его повесть «Противоречия» (1847) «написана под очевидным впечатлением фурьевских тенденций». Герой этой повести Нагибин, подавленный всяческими противоречиями жизни, убежден, что страдание до тех пор будет уделом человечества, пока не будет устранено основное противоречие: «кто и сеет и жнет — никогда не печет и не варит, а печет и варит другой, совсем другой — такой, который и в глаза не видал посеянного».

Образ мечтателя в фельетонах Достоевского 1847 г., осужденный писателем во имя деятельности и сочувствия к массе, «при обобщенных интересах» в жизни, а не в уединении от «бедных людей», картины социальной неправды в «Неточке Незвановой» ведут к истокам «теоретического социализма». К петрашевцу-студенту Ханыкову заходил за книгами Н. Г. Чернышевский. Идеи Фурье он называл в 1848 году «разумными»; «будущее принадлежит этим мыслям».

Французского утописта не забыл великий вождь крестьянской демократии; много лет спустя после встреч с Ханыковым, в романе «Что делать?» (1863) Чернышевский показывал, как Лопухов пропагандировал Веру Павловну сочинением фурьериста Консидерана «Социальная судьба», беседой о «сериях» — одной из характерных для Фурье ячеек трудовой ассоциации. В четвертом сне героини романа революционный просветитель 60-х годов рисовал будущее общественное устройство по известным ему описаниям фаланстера Фурье, Икарии Кабе с тем лишь отличием, что революционер Чернышевский всецело отвергал теорию классового единения собственников и пролетариев, защищавшуюся утопистом Фурье.

Известно громадное общественное значение романа «Что делать?». Ряд поколений вычитывал из этого романа могучую пропаганду «права на труд», права на счастье гармонически развитой личности в свободном от оков частной собственности общественном устройстве. Революционный демократ - шестидесятник не сделался фурьеристом, но элементы фурьеризма он включил в идейное содержание своей агитации за будущее, за борьбу с нищетой и невежеством, рабством и насилием. Этого достаточно, чтоб признать немаловажную роль пропагандистской работы русских фурьеристов, чтобы благодарно вспомнить их вдохновителя в сотую годовщину со дня его смерти.

Проф. Н. БРОДСКИЙ

А. ЭРЛИХ

Книга о бдительности

Содержание и смысл слова «бдительность» неизмеримо раздвинулись в наши дни. Бдительностью определяется ныне уровень гражданской доблести, искренность чувства, чистота мыслей. Отвращение и гнев заслуженно вызывают к себе беспечные болтуны, готовые клясться этим чрезвычайным словом на всех перекрестках и не оправдывающие его в действии, в суровой, принципиальной, политической борьбе, в ежедневной своей деловой практике.

Процессы троцкистских предателей показали, от какой страшной опасности избавлена страна благодаря бдительности органов государственной безопасности. Они напомнили, что многие у нас начинали забывать о том, чего забывать нельзя ни на одну минуту: о капиталистическом окружении.

«Спрашивается, почему буржуазные государства должны относиться к советскому социалистическому государству более мягко и более добрососедски, чем к однотипным буржуазным государствам?» — говорил товарищ Сталин на февральско-мартовском пленуме ЦК партии.

Буржуазия наводняла, наводняет и будет наводнять все сопредельные государства хорошо вышколенной и отлично замаскированной шпионской агентурой; таков закон волчьего капиталистического бытия, и нет никаких оснований думать, что враг менее заинтересован в тылах советского, смертельно ненавистного ему, социалистического государства, чем во внутренних делах родственных, буржуазных государств. «Не вернее ли будет, — говорил товарищ Сталин, — с точки зрения марксизма, предположить, что в тылы Советского Союза буржуазные государства должны засылать вдвое и втрое больше вредителей, шпионов, диверсантов и убийц, чем в тылы любого буржуазного государства?».

«Шпион» — называется новая книга Р. Фраермана, на-днях выпущенная Детиздатом. Высокие кедры изображены на обложке — могучие деревья с разросшимися, спутанными кронами и прорвавшимися наружу, тесно переплетенными корнями. Стоит на часах красноармеец в шлеме, зорко стережет он границу своей страны. Далеко на горизонте высятся горы в ледниковых оползнях. Герои пограничных застав, преграждающие путь врагу винтовкой, — это передовые отряды советской страны, глубоко проникнутой чувством бдительности. «Шпион» — название книги. Бдительность — ее тема.

Совсем немного месяцев прошло с тех пор, как перед советским судом предстали разоблаченные банды троцкистских разбойников. И тем не менее мы имеем уже довольно обширную литературу о шпионах, о тайных врагах, подобно крысам снующих в подпольи нашей родины.

Публикуются в газетах развернутые подвалы, очерки, статьи, появляются книги, демонстрируются картины. Произведения разного достоинства выходят из-под рук журналистов, публицистов и художников.

Огромную роль сыграли в укреплении массовой бдительности статьи, в которых рассказывалось о методах и приемах вербовочной деятельности врага. Но еще на очень многих работах, исполненных с претензией на художественность, клеймо беспечности отчетливо проступает сквозь жиденькую, поверхностную, декламационную маскировку.

Книга Р. Фраермана — не скороспелый отклик на актуальную тему, не торопливое сочинение по заказу, не случайная дань времени, а результат органического творчества, закономерная поэтическая песнь советского писателя, любящего свою родину, проникнутого нежной заботой о маленьких ее гражданах, участвующих в социалистическом созидании уже на школьной скамье, и действенно охватившего смысл слова «бдительность» во всем его нынешнем многообразии.

«Прокаженный мальчик все время молчит» — и читатель исполнится глубокого сочувствия к внуку старухи Лихибон, грязному и безумному, которого привели в «дом ленивой смерти», в колонию для прокаженных.

Пусть двенадцатилетний герой повести, Ти-Суеви, младший сын шкипера Суеви, ужасается взгляду прокаженного мальчика, подобного взгляду «маленькой гадюки». Пусть он обнаружит в мальчике чуть ли не сразу многозначительные странности: «Когда Ти-Суеви смотрел на его сухие ноги, то мальчик казался ему стариком, когда же смотрел на затылок, — мужчиной». Внук Лихибон еще не покажется нам подозрительным.

Автор с любовью расскажет далее, как прекрасен край на берегу океана, с каким терпением и с каким воодушевлением трудятся здесь советские рыбаки, члены корейского колхоза, с какой неутомимостью бродят по густому лесу красноармейцы пограничной заставы...

Чудный, величественный лес простирается вокруг. Ти-Суеви любит свой край, он гордится им, он восхищается им. Да и как не любить этот лесной край на берегу океана! Автор заставит своих маленьких читателей разделить с ним и с младшим сыном шкипера Суеви любовь к родине, к ее природным богатствам. Какой прекрасный, могучий, необ'ятный лес живет на страницах книги. Да, это не обмолвка. Живет и дышит лес.

«В ветер, когда по вершинам его шагала буря, он напоминал Ти-Суеви море, —так же качался он и шумел. И в тихую погоду любил его Ти-Суеви. Тогда сосны скрипели, как барки, и всегда по стволам кедров, точно зверек, снизу вверх и сверху вниз пробегал легкий треск. Лес никогда не был спокоен и тих. Он жил. И если Ти-Суеви хотел, то мог слышать даже его дыхание».

И вот, странная вещь случилась в лесу. Столетние сосны и кедры вдруг стали покрываться паутиной. Паутина свешивалась с ветвей, она окутывала стволы, она опадала на корни во мху, она закрывала солнце, и лучи его едва освещали мохнатых гусениц в тонких сетях. Лес заболел.

Враг стремится не только взрывать наши заводы, наши фабрики, он проникает к нам не только затем, чтобы устраивать крушения на железнодорожных путях, отнимать нашу жизнь и уничтожать плоды нашего труда. Он пользуется тысячами всевозможных и самых неожиданных путей для диверсии. Он засылает к нам вредителей в цветочных семенах, в картофельной рассаде, в зернах сои, — надо быть бдительным всегда, везде, во всем.

Враг проник незаметно и в наш чудесный лес на берегу океана и заразил его страшной бабочкой-монашенкой, чьи гусеницы с молниеносной быстротой об'едают хвою и опутывают голые стволы вязкой паутиной. Гибнет наш лес. И лесовод Андрей Тихонович Силин, явившийся спасать его, гибнет тоже, сраженный ударом ножа в спину. Тот самый мальчик со взглядом «маленькой гадюки», внук старухи Лихибон, будто бы безумный оттого, что его укусила белка, и будто бы таящий в костях своих ужасную «ленивую смерть», — он убивает лесовода.

В тот день Ти-Суеви вместе с другими школьниками напрасно ожидал Андрея Тихоновича Силина, обещавшего научить детей, как бороться с прожорливой гусеницей. Скучая, Ти-Суеви бродил близ заставы, он взобрался вслед за любимцем своим, медвежонком Личиком, на старую деревянную вышку. Он наблюдал отсюда лес, дорогу, поселок.

И вдруг зоркому, бдительному глазу его открылся человек, далеко, среди голубой и зеленой хвои, на самой верхушке дерева. Вместе с красноармейцем Сизовым мальчик вскоре рассматривал в бинокль «прокаженного» внука Лихибон, который «рисовал, то опуская, то поднимая голову от бумаги, лежавшей у него на коленях». Снайпер Сизов легко ранит в ногу шпиона, чтобы лишить его возможности бежать. Шпион оказался японским офицером, майором Исикава Санджи, которого давно искали на заставе и который известен был под кличкой «Маленький».

Занимательно развернутый сюжет — лишь второстепенное достоинство этой отличной книги. Она увлекательна в своем движении, она пленительна по языку, сдержанному, ясному, простому и поэтически звучному, но кроме всего и прежде всего «Шпион» — книга большого политического и познавательного значения.

Автору удалось в ней высокохудожественными средствами раскрыть для своих маленьких читателей многообразное понятие «бдительность» в стране, где могущественно крепнет новая жизнь освобожденного человечества и где тысячи заклятых врагов, агентов и наемников капиталистического окружения тайно рыщут в ожидании удобных минут для удара в спину.

В доме на Пироговской улице в Москве живут дети революционного испанского народа. В доме созданы комнаты для занятий и игр ребят. Старшие дети учатся в московской 39-й школе. На снимке: **«разговор по секрету».** (Союзфото).

■ ■ ■

За рубежом

ПЕСНИ ИСПАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Французское издательство «Эдисьон сосиаль-интернасиональ» выпустило книгу «Романсеро гражданской войны» — сборник испанских стихов и песен, посвященных героической борьбе испанского народа за свою свободу и независимость. Жорж Пийеман собрал в этой книге лучшие образцы современной испанской поэзии; здесь и Хосе Бергамин, и Рафаэль Альберти, и Пля-и-Бельтран, и Эмилио Прадос, и Федерико Гарсия Лорка, и Мигуэль Эрнандес и др. Сборник разделен на циклы — героические песни, шуточные, мавританские, лирические, песни о защите Мадрида. Книге предпослана статья известного французского писателя Жана Кассу, в которой он дает высокую оценку современной испанской поэзии, питающейся из источников народного творчества и сохраняющей великие традиции Гонгора и Лопе де Вега.

Эта книга является укором нашим издательствам, до сих пор не удосужившимся выпустить сборник современной испанской поэзии, воспевающей героическую борьбу испанского народа. Это тем более непонятно и неоправданно, поскольку в наших газетах и журналах появляются в значительном количестве переводы испанских стихотворений и песен.

И еще одно замечание вскользь. Помещая заметку об этой книге, журнал «За рубежом» (№ 28) почему-то дважды, на протяжении пятнадцати строк, называет составителем сборника Жана Кассу, в то время как он только автор предисловия, а на книге весьма отчетливо обозначено имя Жоржа Пийемана.

ЛИРИКА ЧЕХОВ И СЛОВАКОВ

Немецкое издательство «Малик» в Лондоне выпустило в свет сборник лирики чехов и словаков в переводе и со вступительной статьей немецкого поэта и писателя Франца Вейскопфа. Газета «Прагер прессе» отмечает этот сборник как «одну из немногих книг подобного рода, сделанных одаренной головой и одаренной рукой», и признает ее самой показательной и лучшей по отбору образцов чешской и словацкой лирики.

НА КИНОЭКРАНАХ ФРАНЦИИ

За последние пятнадцать месяцев во Франции вышел и находится в производстве 181 фильм. Из них 46 сделаны по театральным пьесам, 66 экранизированных литературных произведений и 69 киносценариев.

В числе экранизированных литературных произведений: «Крейцерова соната», «Отец Сергий», «Живой труп» Л. Толстого; «Пиковая дама», «Станционный смотритель» — А. С. Пушкина; «На дне» — А. М. Горького; «Игрок» — Ф. Достоевского; «Отец Горио» — О. Бальзака, «Труд» — Э. Золя; «Черное и красное» — Стендаля.

О. ВОЙТИНСКАЯ

Заметки о «Петре I»

Петр I был высокоодаренной личностью. В условиях отсталости и варварства русской жизни конца 17-го и начала 18-го века только гениальный человек мог «в Европу прорубить окно».

Перед создателями картины «Петр I» стояла важная и увлекательная задача.

Советский народ должен знать историю своей страны. Враги в свое время немало навредили, фальсифицируя русскую историю. Мерзавцам, превратившим в профессию измену своему народу и продажу своей родины, была в особенности ненавистна история побед русского народа. Людям, клеветнически изображавшим русский народ нацией Обломовых, нужно было в своих гнусных целях представить русскую историю как историю поражений.

Им способствовали человеки в футляре всех мастей. Беликовы от истории на всякий случай решили упразднить роль личности в истории. В их унылых и скучных писаниях не различишь ни исторических эпох, ни людей, изменявших ход истории.

В картине «Петр I» нет раздражающей схемы. История показана в действиях, чувствах и мыслях человеческих индивидуальностей. Замечательный артист Симонов создает надолго запоминающийся образ Петра. Этот взгляд, прямой и пронзительный, движения сильные и непосредственные, голос отрывистый и чуть-чуть с хрипотцой, удивительное богатство интонации в выражении мыслей и чувств, в обаятельном сочетании здравого смысла и юношеского дерзновения, — все это создает образ неповторимый в своей индивидуальности.

И тогда, когда Петр бросается в бушующую стихию, чтобы спасти город от наводнения, и тогда, когда он, нарушая веками установленный этикет, запросто садится на ступеньки трона, Симонов верен задуманному им образу умного и деятельного царя. «Дурак! не умереть, а победить надо», гневно бросает Петр генералу, решившему по правилам, но вопреки здравому смыслу ,вести сражение.

Очень хороша сцена, когда Петр сам заряжает пушку, когда он руководит сражением.

И этот же Петр в хорошо найденной сцене со словами любви бросается к своему сыну, дегенерату Алексею, которого он впоследствии варварски казнит. Хороши и другие актеры. Игра Тарханова — лучшее доказательство того, что для большого актера не существует маленьких ролей. Из эпизодической роли Шереметева Тарханов создал замечательное творение искусства.

В картине есть и отдельные хорошо сделанные сцены. Однако после просмотра фильма зритель остается неудовлетворенным. Происходит это потому, что в фильме есть нечто, искажающее ход исторического процесса.

Человек с богатой индивидуальностью, разносторонне одаренный, много сделавший для продвижения России вперед, для создания и укрепления государства помещиков и купцов, Петр был самовластным деспотом. Эта, по замечательному определению Пушкина, «закорючка своевольства и варварства»—ключ к пониманию многих поступков, помыслов и чувств Петра.

«Достойна удивления, — писал Пушкин, — разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности, или по крайней мере для будущего, вторые — вырвались у нетерпеливого самовластного помещика».

Гениальный поэт с замечательной прозорливостью раскрыл историческое своеобразие личности русского царя. Петр являл противоречие мудрости и самодурства, гуманности и варварства человека, насаждавшего просвещение кнутом. Понимание этого удивительного сочетания исторического деятеля и нетерпеливого самовластного помещика очень важно в трактовке исторической роли Петра.

Историческое неправдоподобие картины не в том, что Петр показан человеком большого всепобеждающего характера. Это бесспорная заслуга создателей картины.

Историческая неправда в другом — в упрощении образа Петра, в ненужном приукрашивании, в показе его как государственного деятеля без «закорючки» своевольства и деспотизма.

Фильм значительно беднее одноименного романа Толстого. Исторически-правдивые частности, очень важные для понимания облика Петра, не создают исторически правильной картины. «...Петр, — писал Ленин, — ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства». Вот эти варварские средства борьбы против варварства недостаточно показаны в картине.

Усиление российского государства при Петре I происходило за счет разорения народа. Все держалось на царском произволе и крепостном угнетении.

Волнения башкир и калмыков, восстания крестьян и казаков под руководством Булавина были формой протеста народных масс против невыносимого политического, экономического и духовного рабства. На протяжении всей истории народные движения выдвигали героев, которые должны получить достойную оценку в пересматриваемой нами заново истории народов СССР. Это задача первостепенной государственной важности.

«Наш «народ» не имеет истории», — говорили умники, — писал Горький в статье об истории деревни. — Они были правы, но не совсем. Крестьянство имело историю, оно ее строило, но не помнило об этом. Оно было почти сплошь безграмотно, а память безграмотных и малограмотных людей — коротка, не обладает той емкостью, которая и отличает грамотных от безграмотных. Трудовой народ делал историю, но он не мог записать ее, писали историю люди классово чуждые и враждебные ему. По этой очень простой причине чернорабочий строитель истории упоминается и рассматривается в исторических книгах только как иногда — бунтовщик, разрушитель, который мешал хорошим людям спокойно жить. **Как строители материальной культуры крестьянин и рабочий в истории отсутствуют.** (Курсив мой — О. В.).

А именно они строили несокрушимые замки феодалов, дворян, строили города и удивительные храмы, проводили дороги, осушали болота, обрабатывали коноплю, лен, кожу, шерсть, дерево, металлы, обували, одевали, украшали командующий класс. Попутно они создали изумительной мудрости сказки, прекрасные песни, легенды, сатиры на своего врага.

Они кормили врага медом, враг платил им ядом религии, которая учила: «несть власть, аще не от бога», «блаженны кроткие», «блаженны миротворцы», учила подлостям, кротости, терпению, покорности. Трудовой народ — крестьяне и ремесленники — не только строил и создавал материальную культуру, но, начиная с восстания рабов против римского дворянства, стремился вырвать власть над своей жизнью из рук дворян. «Альбигойские войны» против феодальной римской церкви, восстание «жаков» вокруг Парижа в 1358 году, восстание кузнеца Уотта Тэйлора, крестьянские войны в Германии 1524—1525 гг., восстание Ивана Болотникова в начале XVII века, Степана Разина при втором царе Романове, бунт Кондратия Булавина при Петре, поход Емельяна Пугачева на Москву — вот главнейшие из битв крестьянства против бояр, дворян, помещиков»...

Мы позволили себе привести такую длинную выписку из статьи Горького потому, что она имеет исключительное значение в формировании исторического жанра в советской литературе, театре, кинематографии. «Трудовой народ делал историю, но не мог записать ее», — пишет Максим Горький. Социалистический реализм впервые делает предметом поэтического изображения трудовой народ в его действительной исторической роли. Большим недостатком картины «Петр I» является то, что сцены из жизни народа занимают непропорционально малое место в развитии сюжета. Сцена работы на болоте сделана так, чтобы заменить показ нарастания народного гнева речью, вложенной в уста человека, олицетворяющего в картине народную силу. Но эта речь звучит риторически, потому что недостаточно подготовлена всем предшествующим действием. Почти совершенно не раскрыта индивидуальность людей из народа. Жизнь народа дана эпизодически, в очень скупых сценах. О невыносимо бедственном положении народных масс мимоходом рассказывается, но крайне мало показывается.

«Петр I», пожалуй, — первый художественный фильм из русской истории, глубоко заинтересовавший советского зрителя. Именно поэтому его недостатки нужно учесть при работе над второй серией фильма.

Трибуна читателя

НУЖЕН ЖУРНАЛ ТВОРЧЕСТВА НАРОДОВ СССР

Литература национальностей Советского Союза представляет колоссальный интерес для русского читателя. Об огромном ее богатстве, о несравненных жемчужинах национальной поэзии говорят отрывки из подготовляемого «Правдой» к 20-летию Октября тома «Творчество народов СССР», опубликованные недавно в «Правде».

Однако наша пресса почти совсем не знакомит русского читателя с произведениями национальных авторов. Даже в юбилейных номерах наших журналов национальной литературе не уделено никакого места (см. заметку «Бесплодное совещание», «Литер. газета» № 53). В результате мы знаем лишь некоторых наиболее замечательных писателей братских республик, как Лахути, Сулеймана Стальского и др., большинство же авторов неизвестно нам даже по имени.

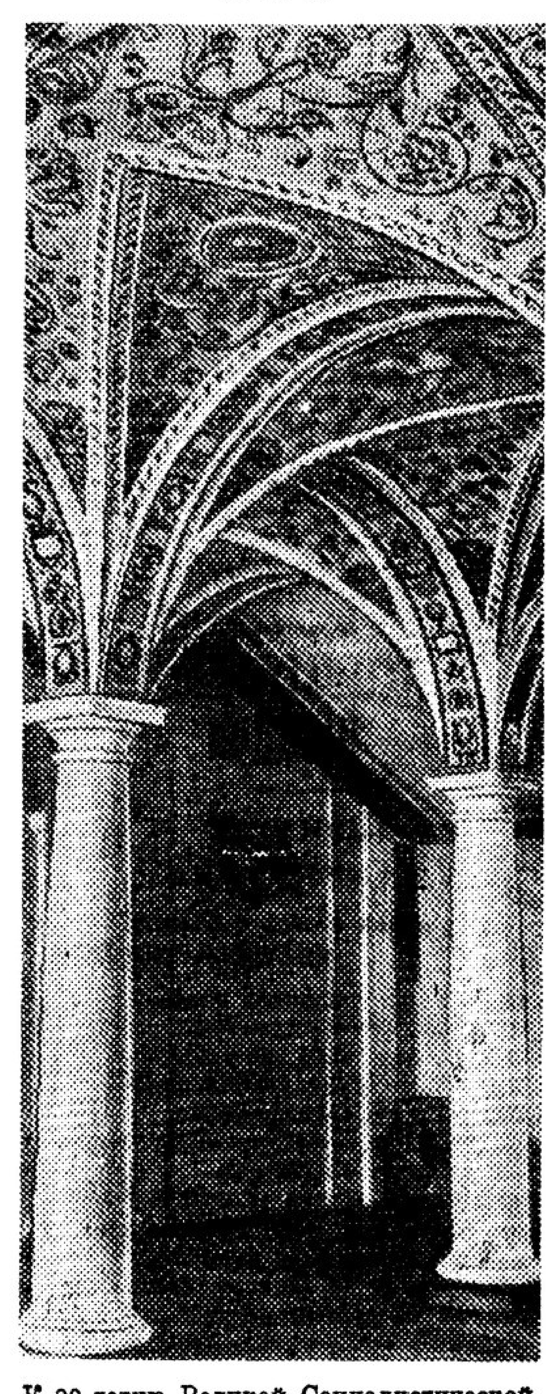
В некоторых республиках существуют, правда, специальные литературные журналы, вроде «Литературного Узбекистана» и «Литературного Азербайджана», одной из основных задач которых является популяризация национальной литературы среди русских читателей. Но печатаемые ими переводы немногочисленны и не блещут высоким качеством. Не больше внимания уделяют национальным литературам и местные газеты.

Переводчики — люди, на которых лежит задача довести до русского читателя произведения национальных авторов, не исказив и не извратив их, большей частью никак и никем не контролируются. Переводы стихов делаются главным образом по подстрочнику, причем бывает, что один и тот же поэт сегодня переводит с белорусского, завтра — с узбекского, послезавтра — еще с какого-нибудь языка, не зная ни одного из них, а это, конечно, отражается на качестве переводов.

Вывод напрашивается сам собой: необходимо создать журнал, который был бы посвящен творчеству народов Советского Союза, по типу журнала «Интернациональная литература». Такой журнал дал бы возможность русскому читателю знакомиться со всеми лучшими произведениями всех национальных литератур нашей страны, послужил бы тем центром, вокруг которого сгруппировались бы лучшие переводческие силы, и способствовал бы дальнейшему расцвету национальных литератур.

Г. ПТИЦЫН

■ ■ ■

К 20-летию Великой Социалистической революции в Сочи открывается новый санаторий Наркомтяжпрома. Санаторий выстроен по проекту архитектора И. С. Кузнецова. Роспись стен и потолков выполнена мастерами Палеха. На снимке: **уголок нижнего вестибюля корпуса «А», расписанный мастерами Палеха.**

Ив. АНИСИМОВ

«Яд идеализма»

Так называется статья Ромэн Роллана, написанная в 1900 году. Недавно автор вновь опубликовал ее в сборнике статей «Спутники». Статья эта поразительна. Ее нельзя сейчас перечитывать без волнения. Она показывает Роллана в самом начале его писательского пути и дает бесконечно много для понимания этого великого мастера культуры. Мы видим здесь Роллана в первой схватке с цивилизованным варварством.

Его положение было почти трагическим. Молодой писатель, жаждущий большого искусства, страстно верящий в человеческий гений, попадает в самую гущу символистско-декадентского искусства, в атмосферу «умственной сонливости». Ни на одну минуту он не обольщается павлиньей цветистостью декадентов, которые «застилают ясность рассудка чем-то вроде мистического тумана». Надо отдать должное проницательности, с какой Роллан ставит свой диагноз. Надо отдать должное мужеству, с каким он сразу же бросается в борьбу за искусство реальное, жизненное и правдивое.

«Дряблые грезы декадентского искусства, — пишет он, — бескровное безразличие неомистиков, именующее себя трансцендентальным, всепрощение идеалистической мысли, отрешенной от реального мира и презирающей его, — все это глупости в тот момент, когда все силы должны быть направлены к реальному. Все реакционные литературные и политические течения пользовались этим состоянием отупения».

Сила критики умирающего буржуазного искусства заключалась в этой статье в том, что Роллан выдвигал, в противовес этому искусству, «дух реальности». В недавно опубликованных дневниках 1895—97 гг. можно найти все богатство наблюдений над современным искусством, которые легли в основу выводов, сделанных в статье «Яд идеализма».

Вот, например, характеристика писателя, который был одной из типичных фигур того времени: «Порой я обнаруживаю в Барресе душу убийцы, какую-то помесь комедианта, мыслителя, убийцы и садиста. Наивность себялюбия, исполненного причуд, среди нравственного разложения отдающего трупом, зараженное гниением сердце... мне становится жутко на этом кладбище души. Развратник или безумец!»

В этих же дневниках, разоблачающих декадентское псевдоискусство, даны прекрасные выражения той непримиримости, с какою Роллан вел борьбу. «Я поклялся... не слагать оружия... не заключать мира со скоморохами мысли и искусства и жестоко бичевать лицемерие и убийственную глупость, которые встретятся на моем пути». Статья «Яд идеализма» является новым подтверждением этой клятвы писателя, подобно «Ярмарке на площади», которая будет создана позже. Этой клятве Роллан не изменял никогда.

Роллан не был критиком ради критики. Он выдвигал положительную программу, основой которой были реализм и народность. Но Роллана увлекал реализм не тот, который покорно следует за жизнью, копирует ее (пример такого бескрылого псевдореализма молодой Роллан видел в Золя, что было несправедливо: Золя, конечно, гораздо выше и значительнее; позже Роллан пересмотрит свой взгляд на Золя), а некий возвышающий реализм, смело устремляющийся против безобразия действительности, реализм героический.

Чтобы правильно понять Роллана той поры, когда писался «Яд идеализма», надо не забывать, что он считал возможным противопоставлять идеализм фальшивый, лицемерный и достаточно гнусный, трусливо прикрывающий порочную действительность, и идеализм подлинный, насыщающий искусство стремлением изменить действительность. На этом противопоставлении держится вся статья, и так как в понятие подлинного идеализма Роллан вкладывал не обычный философский смысл, то и оказывалось, что этот идеализм есть лишь второе обозначение подлинного реализма.

Проследим за мыслью автора.

«Для идеализма нет хуже врага, чем ложный идеализм, — рассуждает Роллан. — Идеализм подлинный и мужественный не считает для себя унизительным тщательное изучение природы; когда он пишет, он не закрывает глаза на мир, как апостол Иоанн из «Стансов» (Микель Анджело), наоборот, он раскрывает их как можно шире и старается как можно ближе подойти к духу вещей, — «превратиться в самый дух природы», как сказал величайший художник-идеалист (Леонардо да Винчи). Он старается видеть вещи, как они есть... «Дух реальности и есть настоящий идеал» (Гете). А ложный идеализм, обходящийся без наблюдения и без опыта, есть не что иное, как тщеславная лень, довольствующаяся болтливой риторикой, унаследованной от старого иезуитского образования, от латинского красноречия, от романтической и псевдокорнелевской выспренности... Мы не можем забыть, что сочинениями Корнеля питались экстравагантности и неоромантические бессмысленности Ришпенов, Ростанов и Сарду; в этой псевдогероической атмосфере создавались лживые души разных Коппэ; это такой яд, который извратил моральное существо народа и затуманил его реальное представление о вещах до того, что он стал принимать преступления за геройство, а фальшивомонетчиков — за мучеников.

Пусть это зрелище заставит нас призадуматься. Будем остерегаться идеализма и идеалистов, не находящихся в тесном соприкосновении с действительностью. Предохраним себя от идеалистического яда».

Как видим, критика буржуазного искусства захватывает и область традиций, — Роллан расправляется не только с «глиняными гениями» современности, с «блюдолизами славы», но и с жалкими попытками этой литературы, «сочащейся, как из сырого, пропитанного плесенью подземелья», подвести под свою «бесстыдную» деятельность некий исторический фундамент.

Удары, которые наносит Роллан, беспощадны. Сказать о Ростане, что он — подонок «псевдокорнелевской выспренности», не значило ли разрушить до основания этот кумир вырождающейся литературы! Показать, какой ложью и фальшью был крикливый пафос этих «торговцев безобразием», притворяющихся, что у них есть какие-то «идеалы», не значило ли обнажить зияющую пустоту псевдолитературы!

Свой идеал искусства Роллан строит на правде. Вот единственная возможность большого и подлинного искусства, возможность бороться с «духом рассудочной проституции». Вдохновенно говорит молодой писатель о задаче искусства, для которого «истина — прежде всего».

«Нужно воспитывать в душах любовь к истине, чувство истины, властную потребность в истине... нужно иметь смелость вырвать — если надо — силой — любовь к иллюзиям, убаюкивающим, ублажающим, ласкающим и в конце концов отравляющим волю. Есть только одно лекарство: правда, Надо видеть и отображать жизнь такой, как она есть. Идеалисты, реалисты — у всех один долг: взять за основу реальное наблюдение, реальные факты, реальные чувства. Нужно, чтобы произведение прочно стояло ногами на земле. Чтобы оно участвовало в земной жизни. Чтобы, изображая действительность, художник дерзал смотреть ей в лицо».

Вот с какою силой, с какою ясностью провозгласил Роллан свои требования к искусству. Это была смелая и широкая программа, находившаяся в самом резком противоречии с тем, что делалось в искусстве, окружавшем Роллана.

Мы знаем, что вся жизнь великого писателя была осуществлением этой программы. Об'явив еще в 1900 году войну «декадентскому старью и неомистическому хламу» и подняв знамя героического реализма, Роллан начал свой славный путь, который привел его в наши дни к вершине социализма. Статья «Яд идеализма» показывает Роллана в начале исканий.

Роллан никогда не отделял искусства от общественной жизни. Так было и в 90-х годах, когда сложился его взгляд на искусство. Вся эстетическая концепция молодого Роллана неразрывно связана с разочарованием в буржуазной демократии («торгашеская демократия»), с попыткой (пусть еще мало обоснованной) выступить против капитализма.

«Около 1900 года мы восстали против этого смрадного мира — горсточка молодежи (и я в том числе вместе с Пеги). Опьяненность чистотой и правдой, стоическая и бескорыстная, жгла белым своим пламенем часть лучших людей Франции, носивших на себе печать Бетховена и «Воскресения». Бесстрашно, мы призывали итти в атаку против лжи, политики и преступлений цивилизации».

Все это написано в «Прощании с прошлым». Об этом надо помнить, чтобы в полной мере представить ненависть молодого Роллана к капиталистическому миру, понять всю силу его освободительного пафоса. Об этом напоминает и вступление к «Спутникам». «Дело Дрейфуса повлияло на меня в том смысле, что пробудило во мне французскую революцию. Она захватила меня всего. Я стал дышать страстями масс, взявших Бастилию, и неистовством Конвента. Гении действия, вызванные мною к жизни, передали мне свой героический оптимизм. Он спас меня в эти годы...»

Весь свой идеал искусства, свое представление о том, каким должен быть подлинный художник, Роллан построил, исходя из необходимости атаковать капитализм. Здесь приобретала огромное значение политическая позиция. И молодой Роллан уверенно ищет эту позицию в социализме. В «Дневниках» 1895—1897 гг. есть много записей, свидетельствующих об этом.

Вслед за Анатолием Франсом, Золя, незаслуженно оставшимся в тени Жюль Ренаром и другими, составлявшими тогда цвет французской литературы, писателями Роллан проявляет огромный интерес к социалистическим идеям.

«По мере того, как я проникаюсь истинами социализма, бесконечная радость овладевает мною... — пишет Роллан. — Если есть какая-нибудь надежда избегнуть гибели, которая угрожает современной Европе и ее обществу, ее искусству, то надежда эта заключается в социализме. Только в нем усматриваю я начало жизни... В течение ста лет Европа станет социалистической или перестанет существовать».

Можно без всяких поправок перенести эти крылатые фразы в контекст любого из последних произведений Роллана. Но ведь мы знаем, что от этих ранних деклараций Роллана до революционной вершины его творчества лежит путь извилистый и сложный.

Потребовался большой исторический срок для того, чтобы Роллан стал подлинным социалистом. Преодолеть иллюзии абстрактного гуманизма оказалось весьма трудной задачей, особенно в тех условиях, когда социалистический горизонт Роллана замыкался фигурами Геда и Жореса (так было с Золя, с Франсом в те годы, так было и в Бельгии с Верхарном).

Первая попытка Роллана прорваться к социализму закончилась победой предрассудков абстрактного гуманизма, что внесло глубокие противоречия в развитие писателя. Сила его ненависти к капиталистическому варварству и сила его мечты об освобождении человечества никак не укладывались в рамки абстрактного гуманизма.

Все творчество Роллана представляет цепь героических попыток преодолеть эту двойственность и обрести то, что сам Роллан называет «гармонией», слиянием мечты с действием. Статья «Яд идеализма» показывает нам исходный момент борьбы Роллана за великое народное искусство. Эта первая страница творческой биографии величайшего из писателей современности поистине патетична. Мы знаем, что эти искания Роллана закончились полной победой.

«Ма-ма-мама»

(Рассказ)

При проверке одного предприятия был обнаружен среди чернорабочих диверсант— в прошлом белый офицер — по фамилии Комчатов.

... Как все чудесно шло!

Раз чернорабочий — некоторым образом естественно быть неграмотным, и Комчатов стал неграмотным. Страна не терпит невежд — пожалуйте в школу. И Комчатов — в школе! Страна любит, чтоб усердно учились. И Комчатов — усердно...

Человек, не забывший еще дворянскую гимназию, офицерское училище, теперь, посматривая то на классную доску, то в свою тетрадь, — прилежно, потея и высунув язык, неуклюже выводил на косых линейках «ма-ма». Он не писал, а можно сказать, срисовывал с доски буквы. И опять это было естественно — именно так и начинают писать (так и он — семилетний приготовишка когда-то начинал). По требованию учителя чернорабочий Комчатов вставал. Высокий, с заскорузлыми, плохо отмытыми руками, он вставал мешкотно, конфузясь своего неподручного субтильного рукомесла школьника, и читал написанное:

— «Ма-ма-ма», — выпевал он баритоном, — «по-по-ш-ла на ба-ба-за-ар».

Страна уважает людей, которые быстро растут. И Комчатов быстро рос. Но в меру, не забываясь. Его даже два-три сезонника обогнали: с умножением и делением у тех было попригляднее и писали они уже «огорот» и «солнце» — в то время, как Комчатов еще: «агарод» и «сонце».

Ему давали читать на дом книжки с крупным шрифтом — от букв-тараканов рябило в глазах: «Румяной зарею покрылся восток, в селе за рекою потух огонек»; «В колхозном саду растут груши». Дома он бросал книжку. И принимался за Марселя Пруста, за Омер-де-Гелль и прочее тонкое чтение...

Возвращая учителю ликбезовскую литературу, он производил с ней некую операцию. Если книжка была совсем новая, свежая, то он — чуть насалив концы пальцев мылом или маслом или, потеребя сапожную щетку, начинал листать страницы, пачкая углы их, кое-где проводя пальцем по строчкам. Сворачивал книжку в трубочку и слегка мял ее. В две-три минуты книжка приобретала обжитой, прочитанный вид. После этого, расправив, аккуратно обертывал ее в чистую бумагу. Учитель потом за семейным обедом умилялся:

«... Прочел, видно, он от точки до точки, но непривычное, конечно, дело — замарал книжку!.. Однако вдруг в нём что-то проснулось... Понимаете, как бы вам сказать... Уважение к культурным ценностям!... Обернул в чистую бумагу — принес!»

Через некоторое время Комчатов выбился (с трудом выбился!) в первые ученики. Его премировали. Его выдвинули на лучшую работу. Он проявил тут смекалку и знание. Но опять в меру, не забываясь. Его еще повысили по работе. О нем упоминали на конференциях: «...сами посудите: вчера еще чернорабочий — продукт деревни!..» И сам Комчатов выступал — отмытый, в пригожем уже костюме, но еще с дурно завязанным галстуком — ах, эти пальцы все еще не привыкли!.. В словах своих он то там, то здесь ненароком подпускал: «тапефя», «магёть». Ему улыбались, жали руки, поместили его портрет в многотиражке, — конечно, в республике подобных людей много, но как ни говори — это свой, на глазах вырос!.. Его еще повысили по работе.

Все шло прекрасно... Но мир может оказаться с ладонь величиной.

За 1330 верст от преуспевания Комчатова, на Омской железной дороге, в жестком вагоне № 58004, некий гражданин, мучаясь дорожным бездельем, поднял с пола — от скуки ради — промасленный, после жареного цыпленка, обрывок газеты. На него глянули памятные черты колчаковского офицера-вешателя... Все был тот же — ни одной морщины на челе! Ретушер из многотиражки, точно нарочно, сделал его опять молодым, **тем самым!..**

После этого почудилось, что поезд еле тащится, что день дóлог, что можно опоздать **к чему-то...** Казалось, что проводник медленно метет пол, что в вагоне-ресторане возлынят с какой-то одной тарелкой борща. Пассажир ел быстро, заглатывая. Внезапно, не донеся ложку до рта, смотрел в окно... Кончал обед, поспешно возвращался в свой вагон № 58004, — но все было по-старому: относились назад поля, железнодорожные будки, крытые казенной охрой, сороки, кувыркавшиеся на проволоке, телеграфные столбы с перекладинами — столбы, как виселицы...

Только на вторые сутки он дорвался до города, где воздвигался Комчатов. И хотя пассажиру из вагона № 58004 лежал путь дальше, он сделал остановку здесь...

Так произошло разрушение Комчатова.

НИКОЛАЙ МОСКВИН

Сборник памяти Шота Руставели

Гослитиздатом сдан в печать выходящий к юбилейным дням сборник, посвященный памяти Шота Руставели.

В сборник вошли статьи А. Дудучава — «Шота Руставели», проф. К. Кекелидзе—«Социально-политическое и культурное состояние Грузии в эпоху Руставели», проф. Ш. Амиранашвили—«Поэма Шота Руставели и древнегрузинское искусство», Ш. Айдешвили—«Руставели и иранский эпос в Грузии», Г. Кикидзе — «Шота Руставели и его время», проф. Нунубидзе—«Руставели и развитие древнегрузинской мысли» и др.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ

Прогулка в Остербрюге

(Из цикла стихов о Европе)

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ.

Бежит за мной уродливая такса,
Ползет на холм безглазая тоска.
Тропа узка, как череп англосакса,
А под ногой — бедро, ступня, рука...

Вдыхая розы, нюхаю сраженье,
Садясь на пень, я ребер слышу треск,—
Иное принимаю положенье,
Чтоб лицезреть костей берцовых блеск...

Ложусь под вязом, подо мною — тленье,
Растительность кровава и скупа,
В кустах сирени — сладкое гниенье:
Трещат, стуча зубами, черепа...

Я выхожу на римскую дорогу,
Но из цветущей точки на прямой
Истлевшую протягивает ногу,
Мне на посту стоящий часовой.

Среди скелетов свежий бьет источник,
Вдыхаю терпкий тления дымок, —
Я наступил на чей-то позвоночник, —
Могильным звоном звякнет позвонок.

Веселый плющ бежит по белым стенам,—
Здесь пчелы Рубенса сбирали мед,
Но что ни пчелка — отдает фосгеном,
Что ни букашка — адский газомет.

Снуют, как пули, шустрые стрекозы,
Белеет челюсть скромно на луну...
Отказываюсь нюхать эти розы,
Смотреть на мошек больше не могу.

Упала ночь, внезапная, как клякса,
Артиллерийская гремит гроза, —
История скулит за мной, как такса,
Вперяя в ночь ослепшие глаза...

АЛ. ФЛИТ.

Книги о родине

Редакция научно - популярной и юношеской литературы ОНТИ (об'единение научно-технических издательств) выпускает книги, которые ознакомят советского читателя с отдельными республиками, краями и областями нашей великой социалистической родины.

Эти книги, написанные в беллетристической форме, приближающейся к путевым очеркам, дадут географические и экономические сведения, описания природных богатств, развития технической культуры социализма, ознакомят с историей края, с бытом его населения и с отдельными выдающимися людьми республики или края.

В ближайшее время выйдут книги о Советском Дагестане, о Биробиджане, о Советской Армении.

Готовятся к печати и другие издания о республиках, областях и отдельных районах СССР.

Выпуск книг о нашей социалистической родине надо всячески приветствовать. Жаль только, что редакция научно-популярной и юношеской литературы ОНТИ, не сумевшая привлечь крупных авторов, ориентируется в осуществлении своего плана на второстепенных писателей.

СТИФ.

«Моральный облик писателя»

ЛЕНИНГРАД. **(Наш корр.).** «Литературная газета» в передовой статье «Моральный облик писателя» (от 30 сентября с. г.) обращала внимание ленинградского союза писателей на антиобщественное поведение Г. Куклина и Г. Кальвари.

Правление ЛенССП обсудило вопрос о пребывании в рядах литературной организации Г. Куклина. Выступившие на заседании тт. А. Шабанов, Н. Брыкин, Б. Лавренев, М. Слонимский, Н. Чуковский и др. привели многочисленные факты, подтверждающие, что Куклину давно уже не место в союзе советских писателей.

Постановлением правления Куклин из союза исключен.

Принято к сведению предложение бюро секции прозаиков об **исключении из союза кандидата Кальвари** «ввиду его творческой неактивности в течение целого ряда лет, а также ввиду его личного поведения, позорящего звание советского писателя».

Секретариату правления поручено заслушать об'яснения отсутствовавшего Кальвари и вынести окончательное решение.

Студия Союздетфильм заканчивает с'емку новой кинокартины **«Дума про козака Голоту»** по повести писателя **А. Гайдара «Р. В. С.»** (Режиссер И. Савченко). На снимке: юные артисты — московские школьники, занятые в фильме. Слева — **Костя Тыртов** в роли Сашко и **Витя Селезнев** в роли Топка — брата Сашко. (Союзфото).

«Песочный человек». С рисунка **Э. Т. Д. Гофмана.**

Автопортрет Э. Т. А. Гофмана.

Эрнст Теодор Амадей Гофман (1776—1822), **немецкий писатель, был одновремен**но рисовальщиком-карикатуристом, композитором и театральным декоратором. Особенностью **его творчества было своеобразное** сочетание фантастики с повседневной мещанской жизнью. Он известен главным образом, как автор **фантастических новелл** («Фантазии в манере Калло», «Ночные фантазии», «Серапионовы братья»), романов («Элексир дьявола», «Житейские воззрения кота Мурра»), а также рассказов и сказок («Принцесса Брамбилла», «Повелитель блох» и т. д.). Новеллы Гофмана оказали большое влияние на творчество Достоевского, Гоголя, Бальзака, Эдгара По и других писателей. **Издательство «Academia» готовит к пе**чати четырехтомник избранных произведений Э. Т. А. Гофмана. Издание **будет иллюстрировано** рисунками старых художников.

АРХИВ А. М. ГОРЬКОГО

Новые поступления

За последнюю декаду Архив А. М. Горького пополнился следующими материалами: Дом-музей В. Г. Короленко в Полтаве передал четыре подлинных письма М. Горького к В. Г. Короленко (1894—1898 гг.); Главное управление Госзаймов прислало рукопись известной статьи Алексея Максимовича «О займе индустриализации» (1928 г.); получены письма А. М. Горького к писателю И. Е. Вольнову (1921—1925), к художнику П. П. Малиновскому — оформителю постановки «На дне» и поэту Средину. Последнему А. М. Горький посвятил стихотворение (1900 г.), которое до сих пор не было известно.

Среди материалов, переданных Е. П. Пешковой, есть документы, освещающие период пребывания А. М. Горького в Петропавловской крепости (1905).

Там, где жил и работал Некрасов

В четырнадцати километрах от Ярославля, в деревне Карабиха, находится имение, некогда принадлежавшее Н. А. Некрасову.

Более семидесяти лет отделяют нас от карабихинского периода в творчестве Некрасова. Не стало живых свидетелей его трудов, его прогулок по густо заросшим берегам Которосли с охотничьим ружьем и записной книжкой в кармане. Лишь деревья старинного тенистого парка, счастливо уцелевшие от порубки, помнят своего замечательного гостя.

Многое изменилось за эти годы: жалкая, нищая деревня, с такой страстью воспетая великим поэтом-демократом, превратилась в новое, колхозное село; в некогда пустовавших домах размещены детсад, дом отдыха, магазин, правление свиносовхоза, по укатанным трактам во все концы снуют автомашины.

Однако местные организации не заботятся о самом имении.

В небольшом флигеле есть вещи, принадлежавшие поэту (этажерка, несколько книг, нож из слоновой кости и т. п.). Их ревниво берегут две племянницы Некрасова, дочери его брата, Федора Алексеевича. На стенах — несколько картин и портретов, в частности работа Крамского «Некрасов на смертном одре».

Но на самой усадьбе лежит печать запустения. Здания много лет не ремонтировались. Деревья уничтожаются. По двору бродят свиньи.

Приближается 60-летие со дня смерти Н. А. Некрасова.

Оставаться равнодушным к разрушению знаменитой усадьбы преступно.

Совершенно **очевидна необходимость создания здесь некрасовского музея и бережной охраны оставшегося имущества:** дети, молодежь, взрослые будут с благодарностью изучать жизнь и творчество Некрасова.

Ал. ГОРШКОВ

На родине Маяковского

Как сообщала уже «Литературная газета», в Багдати и Кутаиси — на родину В. В. Маяковского — выезжала из Москвы специальная экспедиция, чтобы помочь местным организациям создать музей и собрать историко-литературные документы, связанные с жизнью поэта.

На-днях экспедиция возвратилась в Москву.

Ее участники установили в Тбилиси, что бывшие руководители Наркомпроса и союза советских писателей Грузии ничего не сделали, чтобы собрать материалы о Маяковском и создать музей его имени.

На доме, где родился Маяковский, в Багдати, нет даже мемориальной доски. Вместо нее — деревянная вывеска с надписью: «Дом, где родился Маяковский».

Многочисленные биографические документы о Владимире Владимировиче, имеющиеся у жителей Кутаиси и Багдати, также не были собраны.

Экспедиция за время своей работы сделала около 300 снимков различных мест, документов и людей, связанных с биографией поэта. В частности заснята старинная крепость возле Багдати, которую Маяковский вспоминает в своей автобиографии как «первый дом, который я помню отчетливо»; виды реки Цхалис-Цхали; мельницы, висячий мост, села Дыми и Ниргисти — места частых прогулок Маяковского.

Из документов, привезенных экспедицией, наиболее интересны: «Книга метрических записей за 1893 г.», где под номером четырнадцатым записано рождение В. Маяковского; воспоминания о поэте Левана Константиновича Кучухидзе — хозяина дома, где жила семья Маяковских, и воспоминания бывших товарищей поэта по гимназии.

Экспедиция составила план организации музея В. В. Маяковского в Багдати, намечается реставрация дома, где родился и жил поэт, восстановление меблировки, организация литературоведческой выставки, которая показала бы Маяковского как лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи.

Смета и проект музея переданы в ЦК КП(б) Грузии.

Члены экспедиции прочли в Багдати, Кутаиси и Тбилиси ряд докладов о творчестве В. В. Маяковского. Было организовано 5 передвижных выставок о жизни и творчестве поэта.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О Л. Н. ТОЛСТОМ

Гослитиздат выпустил «Сборник Государственного Толстовского музея» под общей редакцией Вл. Бонч-Бруевича.

В книге собраны неопубликованные произведения и черновики работ Л. Н. Толстого, его статьи об искусстве и литературе, записные книжки, наброски, письма.

Издание снабжено комментариями.

НОВЫЕ ПЬЕСЫ

«Жизнь» А. Глебова

А. Глебов написал по заданию Малого театра пьесу «Жизнь», в основу которой положены дневники двух бывших селькорок «Крестьянской газеты». Их путь от прежней забитой крестьянской жизни к моральному раскрепощению и материальному благосостоянию послужил А. Глебову темой для большой пьесы о колхозной жизни.

Ограниченное количество действующих лиц, несложность сценической установки делают пьесу «Жизнь» доступной и для самодеятельного театра.

«Том Кэнти» С. Михалкова

Поэт С. Михалков написал пьесу «Том Кэнти» — по мотивам романа Марка Твэна «Принц и нищий».

Он использовал только схему романа, принцип превращения, в остальном создав самостоятельные ситуации и новых действующих лиц.

В пьесе принц и Том даже не очень похожи друг на друга. Все дело в платье: роскошный наряд заставляет преклоняться, а нищенские лохмотья внушают презрение.

«Том Кэнти» — комедия в трех актах и шести картинах. Она принята к постановке Государственным центральным театром юного зрителя.

«Новости искусства»

Так называется новый журнал, выпускаемый Всесоюзным комитетом по делам искусств.

Судя по двум вышедшим номерам, это будет журнал информационного типа: основная его задача — давать сведения о различных явлениях искусства, ставших в центре внимания нашей общественности, показывать людей, создающих это искусство, раскрывать перед читателем их творческую лабораторию и т. п. Существенную роль в этом смысле призван сыграть иллюстративный материал.

Заслуживает одобрения установка редакции журнала на освещение работы многочисленного отряда тружеников искусства, остающихся незримыми для тех, кому они отдают свой труд. С этой точки зрения большой интерес представляют статья о «Мастере шумовых эффектов» — В. Попова, статья гримера орденоносного МХАТ СССР им. Горького т. Я. Гремиславского «Поиски грима» и разворот во втором номере с фотоснимками и высказываниями сотрудников МХАТ, награжденных орденами Трудового Красного Знамени и почетными грамотами ВЦИК: Н. Кирилловой-Соколовой (портниха), В. Камахина (артист оркестра), И. Титова (машинист сцены), И. Дульцева (рабочий сцены), старшего билетера П. Морозова и др.

«Новости искусства» могут рассчитывать на успех у читателя.

Мы опасаемся, однако, что некоторой помехой этому явится слишком высокая цена — 2 рубля за журнал в 18—20 страниц!

Журнал «Пионер» №№ 7 и 8

Перелистывая седьмой и восьмой номера журнала «Пионер», испытываешь ощущение, какое часто бывает при встрече с живым пионером, если не видел его 2—3 месяца: «Пионер» изменился, возмужал и повзрослел.

В начале года это был журнал, рассчитанный на детей 12—13 лет, а теперь он интересен и для пятнадцатилетних.

Помещенный в рецензируемых номерах беллетристический материал усложнился, научные очерки приняли более углубленный характер.

Из менее «взрослых» материалов в этих номерах «Пионера» обращают на себя внимание лишь простая и забавная осетинская «Сказка про осла и ослицу» в № 8, прекрасный юмористический рассказик Вальде «Кутька» в № 7 и продолжение веселых «Приключений капитана Врунгеля».

Научный материал по об'ему составляет половину каждого номера, а по количеству названий почти две трети.

В научных отделах преобладают география и естествознание, но есть и исторические очерки и очерки на актуальные политические темы.

Научные очерки в большинстве чрезвычайно содержательны и представляют интерес не только для детей, но и для взрослых.

Встречаются, однако, и неудачи.

Возьмем очерк проф. Зубова «Полярные сияния» (№ 7). В этом произведении, занимающем пять с половиной страниц, автор задался целью детально об'яснить ребятам происхождение северного сияния. В процессе об'яснения он сталкивается с рядом других сложных и мало знакомых ребятам явлений, как земной магнетизм, магнитные бури, солнечные пятна, спектральный анализ и т. п. Каждое из этих явлений автор раз'ясняет — т. е. дает историю каждого вопроса. В результате очерк распадается на ряд мало связанных между собой об'яснений и рассуждений, становится сухим и непонятным читателю «Пионера».

«Пионеру» следовало бы обратить больше внимания на то, чтобы его научные очерки были не только содержательны, но и достаточно популярны.

Хочется особо остановиться на исторических очерках «Пионера», так как журнал стал уделять им внимание лишь в этом году.

Темы исторических очерков в рецензируемых номерах намечены чрезвычайно удачно.

В обоих номерах напечатаны небольшие произведения на тему «20 лет назад». Это— подготовка к Октябрьской годовщине. Из событий более отдаленного прошлого журнал освещает те, которые особенно актуальны в настоящий момент: наполеоновское нашествие (очерк В. Сафонова «Пожар Москвы в № 8) и испанское восстание первой четверти прошлого столетия (очерк Тарле «Риэго» в № 7).

Коротенький очерк Сафонова представляет собой краткое, но довольно выразительное описание события. Он служит как бы пояснением к помещенной на том же развороте картине В. Верещагина и вместе с тем играет роль «исторического комментария к рассказу Бальзака «Березина».

Очерк Тарле «Риэго» в № 7 играет роль такого же комментария по отношению к рассказу С. Григорьева «Сомбреро».

Тарле дает читателю не отдельный эпизод, а всю биографию вождя испанского восстания. Но этот очерк страдает тем же недостатком, что и разбиравшийся выше очерк проф. Зубова: он не совсем по силам читателю «Пионера». Наряду с этим имеет место и прямая небрежность. Например, в одном месте говорится о том, что король Фердинанд «испугался и дал ложную клятву — признать конституцию 1812 г.», т. е. остался на престоле, а несколькими строками ниже читатель узнает, что русский император, австрийский император и французский король вмешались в дела Испании, чтобы «задушить свободу испанского народа и **снова посадить на престол Фердинанда».**

Этот и другие ляпсусы тем более досадны, что в общем статья Тарле написана очень живо, проникнута искренним чувством и будет читаться ребятами с интересом.

Этого нельзя сказать, к сожалению, об очерках цикла «20 лет назад». Они до крайности сухи и лаконичны.

Такие же очерки, как очерк Макасеева «С киноаппаратом по Испании», Шамет «Секретная война» — о военном шпионаже капиталистических государств, «Наши герои» — биографии летчиков, совершивших перелет в Америку, — все это вещи чрезвычайно актуальные и хорошо написанные. Но особенно выделяются среди них помещенные в № 7 отрывки из дневника майора республиканской армии Романа Диестро.

Беллетристические произведения, помещенные в рецензируемых номерах, в большинстве удачны.

Особенный интерес представляет рассказ Бальзака «Березина». Рассказ дает ребятам яркую картину панического бегства из-под Москвы наполеоновской армии, превратившейся в толпу измученных, замерзающих людей, и тонко рисует психологию отдельного человека — мужество, благородство, самоотверженность. Этот рассказ производит сильное впечатление.

Не менее актуальна и тема рассказа С. Григорьева «Сомбреро» (№ 7).

С. Григорьев рассказывает о мальчике, служившем флейтщиком на фрегате «Проворном», который был послан усмирять восстание Риэго.

В рассказе неплохо дан бытовой колорит, отношения людей, типы русских моряков. Но фигуры испанских революционеров более чем схематичны. Исторические события очерчены чрезвычайно поверхностно. Недаром, несмотря на помещение в этом же номере очерка Тарле, этому рассказу пришлось предпослать еще особое предисловие.

Из остальных произведений следует отметить повесть Ю. Тушкана «Джура и Тэке». Повесть написана очень увлекательно, но фигура главного героя несколько трафаретна: богатырская сила, нечеловеческая храбрость, безупречная честность и прямота и, данная явно в виде ахиллесовой пяты, недисциплинированность.

Как уже было сказано, каждая вещь в отдельности не плоха. Но в отношении подбора материала надо отметить, что в стремлении дать своим читателям побольше исторических сведений и ознакомить их с зарубежной жизнью и с жизнью далеких окраин нашей страны редакция «Пионера» совершенно забросила бытовую тематику. Ребенок, семья, школа, пионеротряд совершенно исчезли со страниц журнала. Это крупное упущение. Игнорирование быта является серьезной ошибкой. Не надо забывать, что быт не отделим от политики.

Кроме того, отсутствие на страницах «Пионера» ребенка, школы, семьи усугубляет то ощущение нарочитой взрослости и подчеркнутой серьезности журнала, о которых мы говорили в начале статьи. Все это сушит журнал.

Многие дети стремятся казаться взрослыми, но журнал «Пионер» не должен стремиться выскочить за рамки своего возраста, иначе он перестанет быть любимым журналом наших ребят.

Л. КОН

А. М. АЗАРИН

От разрыва сердца скончался заслуженный артист республики Азарий Михайлович Азарин (Мессерер). Советский зритель хорошо знал и любил этого талантливого актера, несущего со сцены заразительную жажду жизни, беспредельный оптимизм, настоящее глубокое чувство живого человека, полного сил и энергии.

Каждый образ, им созданный, будь то погрязший в ничтожестве и мерзости, торгаш Фрезер, будь то теплый образ тульского мастера «Левши» или глупый и чванливый шекспировский Мальволио, или добродушный и лукавый, все понимающий крестьянин Игнат Савостьянов, — это все яркие, превосходно индивидуализированные образы, надолго остающиеся в памяти.

Оптимизмом и огромной жизнерадостностью был всегда полон Азарин. Работал весело, сочно, заражая товарищей уверенностью и смелостью. Он был настоящим строителем советского театра, отдавая ему всего себя. Он был превосходным товарищем, который всегда делился своим опытом, знаниями, мастерством, который по-настоящему заботился об окружающих. Казалось, что он остался навсегда тем самым молодым Азариным, который девятнадцати лет пошел добровольцем в Красную Армию и под Астраханью, в годы гражданской войны дрался с врагами советской власти.

Всю свою жизнь он боролся за жизнеутверждающее искусство, искусство счастливых людей, полных чувства человеческого достоинства. Таким он был в театре имени Вахтангова, в МХАТ СССР имени Горького, в бывшем МХАТ II, в Малом театре, в театре имени Ермоловой и в Центральном театре Красной Армии, где он последний год работал. Таким он останется в памяти товарищей, с которыми работал, и зрителей, которые наслаждались его мастерством.

Вместе с Центральным театром Красной Армии он должен был поехать на Дальний Восток выполнять приказ наркома обороны К. Е. Ворошилова — понести искусство советского театра в ряды красноармейцев-дальневосточников. В записной книжке за день до смерти он писал: «Подобно тому, как тебе предстоит прочесть интереснейшую книгу, о которой много слышал, и ты заранее наслаждаешься ее содержанием, так я с чувством волнения предощущаю неведомый, но чудесный Дальний Восток. Мне хочется не только просто прочесть эту «дальневосточную книгу», — я хочу в ней многое запомнить, многому научиться. Древний философ Сократ говорил: «Кто счастливый человек?» и отвечал: «Тот, кто служит любимому делу». Я чувствую себя счастливым художником в счастливой стране социализма».

Советский зритель и советский актер сохранят в своей памяти прекрасный образ Азария Михайловича Азарина.

КОЛЛЕКТИВ ТЕАТРА им. М. Н. ЕРМОЛОВОЙ.

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕЧКА

Вышли первые три книжки «Антирелигиозной художественной библиотечки», выпускаемой издательством «Молодая гвардия»: рассказ М. Горького «Шорник и пожар», «Богомольцы» С. Под'ячева и антирелигиозный рассказ Гюи де Мопассана «Крестины».

В каждой книжке дана краткая биография автора.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61.
Издательство: Москва, Страстной бул., 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

Уполномоч. Главлита В—29691.

Типография газ. «Индустрия», Москва, Цветной бульвар 30.